

АНДРЕЙ УЛАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПРИНЦЕССА ДЛЯ СЕРЖАНТА

Андрей Уланов
Принцесса для сержанта
Серия «Разведчик», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132353
Принцесса для сержанта: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29657-6

Аннотация

Когда-то все началось с того, что трое орков со «шмайссерами» сидели мирно на поляне и тушенку ленд-лизовскую из банок выковыривали. Потом появились Свет и Тьма, люди, эльфы, гномы, гоблины, вампиры, оборотни и драконы. А еще Прекрасная Принцесса и Рыжая Подруга Главного героя. Ну а затем пришел старший сержант Сергей Малахов, и все пошло наперекосяк.

Да так до сих пор и идет. И чем дальше, тем круче...

Содержание

От автора	4
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	60
Глава 4	93
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Андрей Уланов

Принцесса для сержанта

От автора

Все началось с двух строчек: «А на поляне той трое орков со «шмайссерами». Сидят и тушенку ленд-лизовскую из банок выковыривают».

Потом появилось желание написать роскошную пародию на фэнтезийные штампы. Так появились Свет и Тьма, люди, эльфы, гномы, орки, гоблины, вампиры, оборотни и драконы. А еще – Очень Прекрасная Принцесса и Рыжая Подруга Главного героя.

Ну а затем пришел старший сержант Сергей Малахов, и вся изначальная задумка пошла наперекосяк.

Автор благодарит всех помогавших ему в работе над этой книгой. Отдельное спасибо – Александру «Новику» за привлечение «ресурса ВИФ2НЕ»!

Часть первая

*Уж третий день здесь спит на брюхе тишина —
Ей редкий визг очередей – что тот молебн.
Уж полчаса, как Сидоренко-старшина
Застывшим взглядом что-то ищет в чистом
небе.
Уныло мчит река, и птицы-облака
Пластают крылья по залитым потом спинам.
Остатки роты, что осталась от полка, —
Урюмый взвод кусает перышки травинок.*

«Дот». Д. Волжский.

Глава 1

Чем дольше я сидел, тем больше нервничал.

Даже забавно – казалось бы, уж чему-чему, а ждать я в разведке научился. И все равно – чем дольше сижу, тем оживленней мураши вдоль позвоночника маршируют. Кто б вот мне объяснить взялся, с чего? Не к противнику ведь в тыл ползу – к родному командованию на доклад. Или на присвоение очередного звания. Или... или за черт знает чем.

Может, из-за этого и мандраж – от *полной* неизвестности. Потому как сюрпризов от фрицев могло воспоследовать много, но большинство из них при этом были вещами зна-

комыми и в чем-то даже привычными. А вот чего ждать от местного руководства – принцессы и так далее – это вряд ли кто сказать возьмется.

Вот и я сижу – и сам себя накручиваю.

Ладно.

На самом деле, думаю, устроился я здесь очень даже неплохо. И вообще – повезло.

Судите сами: во-первых, уже то, что я после прямого попадания сюда, в этот Мир угодил, а не рассеялся равномерным слоем по окрестностям воронки, – это уже фарт, какой из миллиона не каждому выпадает. Да и то, как я понимаю, не только мое личное везение сработало, но и черный маг подсуетился... покойничек.

Пункт два – сумел из цепких лапок этого самого господина колдуна ноги сделать. А то ведь, если верить местным, запросто мог его личную коллекцию украсить... чучел там или скальпов. Ну или на алхимические опыты пойти – в роли кролика... опытного!

Дальше – Кару повстречал. Баронессочку мою ненаглядную... чудо рыжее. Удача ведь? По мне, так еще какая! Даже не беря в расчет, чем эта кошка для меня потом стала... с одним ножичком здешнюю линию фронта переходить как-то скучновато. Вроде как зимой на нейтралке без маскхалата, да под осветительными. Довелось однажды – ощущения, доложу вам, исключительно мерзопакостные, хорошо, в охране у фрицев в ту ночь, видно, особо отборные лопухи

стояли. Но все равно, за те два часа, что трупик замерзший изображал, едва-едва взаправду им не заделался. А будь морозец на пару градусов в минус или ветер... дуба, может, и не дал бы, но пару-тройку конечностей в лазарете точно б отчекрыжили.

Ну и остальное все – в первый же разведывход языка ценного взял, фельдъегеря. Это, правда, напололам с рыжей делить надо, как и дракона сбитого... ну и диверсантов, которых мы в ходе прикрытия кортежа ее высочества положили, тоже.

Вот с крестником моим, гауляйтером черным Ариком, непонятка получается. С одной стороны, в роли представителя вражеского генералитета он как бы самоликвидировался без моей подмоги. Довывывался. То чудище, что из него после смерти вылупилось, в плане клыков и прочих когтей, было, конечно, тварь хоть куда, но в стратегическом масштабе – ноль без палочки. Покойник, небось, когда в форме был, таких зверюг наштамповать мог перед завтраком десятков на пучок, не особо напрягаясь. С другой – не на эсэсовцев же, в самом деле, наградной лист заполнять? Не выхвати их Арик из боя, так они, может, еще и спелись бы с ним за милую душу... а не как вышло – в упор, да и из двух шмайссеров. Очень даже может...

Куда этот случай считать, в какую графу заносить – не знаю. Тут ведь, скорее, не моя удача поработала, а ариковское невезение. Если со мной ему просто не повезло, то

со следующими призывниками и вовсе фатально... во всех смыслах.

Тут дверь в зальчик, где я самоедством, то есть самокритикой, занимался, почти бесшумно отворяется и в проем входит мое непосредственное командование – его сиятельство герцог комбриг Клименко. В парадной форме – камзол зеленого шелка, на месте обычных комсоставских ромбов камушки какие-то поблескивают, причем соответствующих размеров. Из меня, конечно, ювелир еще тот, но есть подозрение – рубиновые это знаки отличия. Со стороны, может, и потешно выглядит, однако, как начал я прикидывать, сколько один такой ромбик стоит... ой-е. Рубины, конечно, не бриллианты, но, думаю, ободрать товарища комбрига да сдать это добро в фонд обороны – глядишь, на истребитель или на самоходку легкую набралось бы.

– Ну что, Малахов? Готов?

– Так точно, товарищ комбриг.

– Ну... пошли тогда.

Коридор, по которому мы пошли, был длинный, узкий, непонятно чем освещенный и непонятно куда вел. В смысле – освещен, скорее всего, магией какой-нибудь, а куда вел – и впрямь загадка. Схему замка я в голове уже более-менее нарисовал и сейчас вот был готов эту самую голову на отсечение здешнему палачу дать – не может здесь такого длинного коридора быть, никак не может... От лестницы до зальчика, где я сидел... да прошли мы уже... нет, точно – уж метров

пять, как по воздуху где-то в районе замкового рва шагаем.

Магия... черти б ее к себе обратно взяли!

Поначалу, как я понял, разговор был о том, чтобы мне пару-тройку местных высших орденов навесить при массовом скоплении народа и вообще – полный триумф с овацией устроить. Возвращатель Короны, Великий Герой и все такое прочее, что в подобных случаях здесь этим... как бишь их... а, герольдам с замковых башен провозглашать полагается.

Мне от этой идеи на душе паскудно делалось до неимоверности. Корона эта... священная реликвия рода Ан-Менола. Сколько себя ни убеждай, что для местных это вроде как боевое знамя, а может, даже и оружие, а все равно вертится где-то в затылке поганая мыслишка: четверо... четверо отличных ребят за эту гнутую фиговину жизнями своими заплатили!

И как бы и понятно, что не бывает войны без потерь, что главное – это Выполненное Задание! А уж сколько обратно дошло – трое из семерых или вовсе один – для высоких штабов эти подробности малоинтересны. Бывало ведь и хуже – как тогда, в апреле, когда на охранение фрицевское при переходе напоролись. Тоже – трое убитых, четверо раненых, а задание, считай, даже и не начали выполнять.

И все равно – не складывается. Там, у нас, – война, всерьез, а здесь поигрушки сказочные! Только вот чтобы девчонке-принцессе новую блестящую цацку доставить, четверо юнцов... мальчишек, которым бы жить да жить! А они в

землю навечно легли!

Терпеть ненавижу!

Потому, когда товарищ комбриг мне сказал, что всенародные празднования отменяются – по причине военного времени, напряженной политической обстановки и вообще, – я даже обрадовался. Жаль, вовсе отвертеться не получилось.

Поймите правильно – я против наград заслуженных ничего не имею, наоборот, очень даже за. Только ведь награда награде тамбовский волк, как Ваня Синичкин говорит. «Славу» или хотя бы «За отвагу» мне все здешние короли скопом не навесят, даже если и придворные ювелиры по образцу точь-в-точь откуют, – полномочий у ихних величеств нужных не имеется. На здешние же медали-ордена я глянуть успел не один раз и, доложу, не внушили они мне особого почтения с благолепием. «Блюдец золотое с алмазами», «Тарелка серебряная с рубинами, второй степени» и прочий кухонный набор. Выглядят солидно, не спорю. Один особенно запомнился – в виде снежинки с ладонь размером, камни синие с красными, цепь к нему, опять же, золотая, в палец толщиной. Сразу видно – вещь весу немалого... края острые. Хороший орден, в хозяйстве небесполезный – особенно если цеплять его перед визитом в такие места, где всякие прочие режущие-стреляющие вещи на входе отбирают.

Но пока не завелся в здешних местах наш старшина Раткевич со своей несгораемой шкатулкой типа шкафчик, мне лично все это изумрудно-бриллиантовое великолепие –

только морока лишняя. Не на задание же с такой вот бляхой на пузе ползти?

А ведь, тоскливо так думаю, навесят сейчас. Непременно навесят. И куда мне потом это блюдце немереной материальной драгоценности прятать? Разве что в диск от «ППШ»... да и то, если из него пружину и всякие прочие потроха выпотрошить.

Додумать эту мысль я до конца не успел – пришли мы.

Комната была зеленая. Темно-зеленая. Потолок зеленой тканью обит, стены аналогично, окна шторами тяжелыми наглухо задернуты, а под ногами – трава. Тоже темно-зеленая. И в траве этой тропинка к столу в центре протоптана – средней такой примятости, словно человек семь-восемь по ней прошло.

Восемь их вокруг стола и сидело.

Скрывать не буду, травкой этой муравкой они меня удивили. Даже дернулся было наклониться, сорвать стебелек какой, на зуб попробовать – спохватился, изобразил, будто рукав у гимнастерки поправлял... и шагнул при этом мимо тропинки.

Хрустнуло под подошвой. Тихо, но для моих привычных ушей вполне отчетливо. Именно как молодая, сочная трава хрустит.

Ловко.

Стол зато незеленым был и стулья – я даже обрадовался. Нормальный такой деревянный цвет... то есть... в смысле...

ну деревянный он был! Светлолакированный! И круглый – не цвет, понятное дело, а стол. Точь-в-точь, думаю, как в Кашалоте, тьфу, в Камелоте. Хотя нет, вру – у Артура рыцарей много было. Точно не помню, но кажется – рота, а то и больше. Ну а здесь – на отделение максимум, уменьшенный вариант, так сказать.

Артура... короля... нет, думаю, что-то у меня в голове шестеренки не в ту сторону крутятся. Давно я уже столько всякой чуши за раз не думал.

Знал я из отделения этого только двух – его сиятельство герцога Лера Виртиса, над стражами ее высочества начальствующего, и графа Леммита. Знал – в смысле разговаривал и, соответственно, кое-какое впечатление успел себе составить и о себе оставить. А остальных – только видел, да и то не всех.

Принцессу, например, целых три раза удостоился.

Ее высочество принцесса Дарсолана. Для здешних – примерно как товарищ Сталин или Жанна Орлеанская. Последняя надежда Света, как они ее величают.

Мне от этих величаний каждый раз тоскливо делалось. Ну как можно всерьез рассчитывать на девчонку, которой еще и восемнадцать-то полных не стукнуло?! Да будь она хоть трижды королева – дети войны не выигрывают!

Форма на этой восьмерке была, что называется, повседневно-придворная – то есть яхонты, ониксы и прочие аметисты присутствуют, но в переносимых для зрения количе-

ствах. В отличие от парадных выходов. Там любого хлыща обдери – ювелирному на год торговли.

Вы только не подумайте, что старшему сержанту Малахову это драгоценное изобилие поперек горла встало – то на товарище комбриге рубинчики подсчитывает, то на придворных... Мне просто интересно – откуда? Королевство здешнее, как я по местным кривым да приблизительным картам прикинул, все ж не так, чтобы сильно велико – с Белоруссию, а то и мельче. И особого изобилия по части золото-алмазных месторождений не наблюдается. По крайней мере – на тех картах, что мне видеть доводилось. Может, конечно, и другие карты есть, со штемпельком «секретно, старшим сержантам в руки не давать». Не знаю.

Пробовал местных осторожно так расспросить – люди разные, ответ один: гномы. А что гномы? Тоже ведь люди как люди, только низкорослые – ну так у нас всякие пигмеи с бушменами тоже не великаны. Как низкий рост прогрессу в горнодобыче способствует – не понимаю. Разве что штреки меньшей высоты и на креплении экономить – так, по идее, и объем выдачи на-гора должен упасть соответственно.

Гномы... послушать местных, так гномы эти все сплошь такие ударники-стахановцы, что обычному человеку рядом с ними лучше и не становиться – соришь на месте... от стыда за мизерность производимых тобой результатов. При том они, гномы эти, кроме горного дела еще и по химии спецы экстра-класса, в металлургии, ювелирных дел мастера

несравненные – прямо хоть приходи к ним под гору да партбилеты всем раздавай. А уж как полезности всякие подземные чувят...

Интересно, а в самом деле – можно в процессе эволюции у себя рентгеновское зрение выработать? Так, чтобы глянул на скалу – и на пять, а лучше, на десять метров вглубь. Чем не вариант? Отловить бы какого-нибудь гнома, благо, их в замке человек пять-десять постоянно наличествует, и на учебное минное поле отвести. Если хотя бы половину мин укажет...

Есть и другой вариант: нынешнее королевство, как я понял, – это вариант, сильно урезанный. И вполне себе может быть, что на временно оккупированных местными чернокнижно-фашистскими гадами территориях и копи алмазные имеются и прочие мраморно-хрустальные залежи. Ну а то, чем здешние бояре друг дружке зайчики в глаза пускают, так, не более чем остатки эвакуированных ценностей, фамильных.

Ладно. Это меня уже чего-то опять в сторону понесло.

Восемь их вокруг стола сидело. И – два стула, пока свободных. К одному из этих стульев товарищ комбриг, не сбавляя шага, прошествовал – и сел. Ну и я следом, на последний оставшийся. А что – других распоряжений от старшего по званию не было, значит, «делай как я». Если же ошибочка-накладочка вышла и стул для какого маркиза запоздавшего был припасен – встану, не гордый.

Сижу, молчу, по сторонам, соответственно, потихоньку поглядываю. И остальные молчат, только глазами – тырк-тырк! – словно перекрестным огнем. Чаще всего косились на типа, что по правую руку от принцессы сидел. Занятный такой товарищ. Уж на что я в придворных хитросплетениях ни уха ни рыла, и то гляжу и понимаю – это явно не челядинец какой-нибудь из приближенных особ и вообще не нашего, в смысле, не здешнего полета птица. Понимаю... и при этом в упор не понимаю, с чего такие вот выводы в голове рождаются. Ну, сидит себе старикан неопределяемого возраста, в грязно-белую мантию завернутый, борода средней клочковатости куда-то под столешницу спускается, на голове шляпа типа «гриб»... сидит... но что-то в нем такое... неуловимое, ускользающее – взгляд, словно магнитом тянет.

Неудивительно, что остальные все тоже на него косятся.

Кроме принцессы.

Принцесса... Ее высочество Дарсолана смотрела только и исключительно на меня, и взгляд этот был – очень странный.

Всякое в моей интересной, хоть и не очень-то долгой жизни бывало. На меня глядели по-разному и при мне глядели – но вот такого взгляда мне до сего дня фиксировать не доводилось. Хотя...

В 42-м, зимой, в начале февраля... бой за деревню то ли Большие Козинцы, то ли Малые Огурцы... не помню. Первая атака провалилась, мы откатились назад и в воронке посреди поля – здоровая ямища, уж не знаю, с чего она там

взялась, в чистом-то поле – вместе со мной укрылись трое: Юрка из второго взвода, старшина Хотиненко и еще один, таджик, второй номер «дегтяря». Мы сидели в этой воронке... ждали сигнала... потом Юрка начал жевать галету, а старшина отцепил от ремня фляжку и пустил ее по кругу. И вот, когда я передавал фляжку таджику, я вдруг заметил, как он смотрит на Хотиненко... не благодарно или, наоборот, злобно, нет... просто... *так* на людей не смотрят. По крайней мере – на *живых*.

Потом на дальнем краю деревни захлеб застучали пулеметы – третья рота, она шла в обход, и две красные ракеты повисли точно над нашей воронкой, а значит, надо было вылезать и идти вперед... и мы вылезли, и пошли. Нам повезло – атакованные с фланга и тыла немцы запаниковали, мы ворвались в деревню почти без потерь. Почти – это двое легкораненых и двое убитых, одним из убитых был старшина Хотиненко.

И вот принцесса Дарсолана смотрела на меня...

Нет! Совсем не так она на меня смотрела!

В этом ее чертовом взгляде слишком много было намешано. Любопытство? Надежда? Ненависть? Жалость? Глаза, особенно женские, – тот еще омут.

Одно знаю твердо – мир, где семнадцатилетняя девчонка может так вот *взглянуть*... что-то в этом мире глубоко неправильно.

Переглядывались мы за этим столом минуты полторы. А

может, и все четыре – часики-то я с собой не взял. Слишком уж ценный аппарат в здешних условиях. Взмахнешь рукой неловко, заденешь... доброго молодца в кольчуге, а то и в броне с шипами, любят местные эдакую помесь танкетки с ежом на себя напяливать, и кто потом вышедший из строя тонкий механизм чинить будет? Гномы? Ага... три раза. Может, конечно, они такие мастера, что инфузории туфельки приделать могут – но вот насчет познаний в точной механике у меня ба-альшие сомнения. А без познаний... подковал уже один Левша аглицкую блоху – только вот прыгать она после этой операции, что характерно, перестала.

– Все мы, кха-кха, – это дед в мантии-маскхалате решил, наконец, игру в гляделки прервать, – знаем, почему собрались здесь.

Вот те раз, думаю! То ли дед меня за «все» не считает, а считает за предмет мебелировки, то ли...

– Свершилась первая часть древнего пророчества! Воин Из-за Края Мира, – все дружно на меня оглянулись, – вернул нам утраченную реликвию, Великую Корону рода Ак-Менол! И с ней вернулась Надежда.

Угу, думаю, а также Вера, Любовь и Анфиса в придачу.

Глянул на товарища комбрига – судя по каменно-внимательной роже, он всяких пророчеств от местных уже наслушался по самое не могу.

– При всем почтении, которое я питаю к вам, Ариниус, – перебивает деда в мантии герцог Виртис, – должен напом-

нить: это вы считаете пророчество сбывшимся. Однако есть и другие мнения. Пророчество Грамуса неясно и туманно...

– Да что же в нем неясного?!

– ...и толковать его можно весьма разнообразно. Особенно сие относится к его началу. Которое, – повысил голос герцог, – уже объявляли сбывшимся и не единожды. Напомнить, чем заканчивались попытки воплотить оставшуюся часть пророчества?

– Разве я, – спрашивает Ариниус, – когда-нибудь утверждал подобное?

– Вы – нет, и что? Великий Канний, к примеру, тоже был...

– Довольно!

Это товарищ слева от принцессы рявкнул. Хранитель королевского чего-то там специфически местного – чего именно, я даже и пытаться запоминать не стал, больно слово мудреное. Грубо переводя – скипетр, держава и Большая Государственная Печать в виде одной хитро перекрученной палки. Ну а Хранитель, соответственно, канцлер или там премьер-министр.

Басок у него что надо... ну и габариты... внушающие, даже если форму вычесть. Она у товарища Хранителя шелково-меховая, с преобладанием меха – как он еще не изжарился, знать не знаю. Магия, не иначе.

– Напомнить, сколько раз за последние дни вы, Лер, выдвигали сей довод?

– И что же? – хмурится Виртис. – За ночь он стал менее весомым?

– Мы собрались здесь не за этим.

– Да? Странно, а я думал, что в числе прочего как раз и за этим.

– Лер...

Голос ее высочества я в тот раз впервые услышал. И – вздрогнул.

Слух у меня до войны был. В смысле – музыкальный слух. Даже учить пытались – скрипке, только недолго, две недели и два дня. А потом в сквере подошли к тихому мальчику в свежесвыглаженной белой рубашечке и с музыкальным футляром три Квакина, и о макушку одного из этих Квакиных тихий мальчик Сережа скрипку ликвидировал.

Это я к чему – вроде бы не было в ее голосе ничего такого уж особенного. Красивый, не спорю... звонкий. Родись у нас – блистать ей в школьном хоре, а то и повыше.

Только... с чего у меня чувство, словно за ворот гимнастерки ведра три воды плеснули. Причем очень конкретной воды – из лесного ключа, летним полуднем набранной. И голову кружит.

– ...Лер, хранитель прав. Время разговоров прошло. Мы здесь – за другим.

Здорово она это сказала. Вроде бы и негромко, но вот желание спорить-возражать лично у меня улетучилось, как спирт из забытой кружки.

Герцог, впрочем, упрямее оказался.

– Ваше высочество, – возражает. – Разве может пройти время прислушаться к голосу осторожности в деле, где речь идет ни много ни мало как о судьбе королевства! Ведь стоит нам сделать неверный выбор – и Тьма поглотит нас. Помните Горот-тейн!

– А вы, герцог, вспомните Нарсейдалль, – в тон ему огрызается Хранитель. – Они ведь тогда тоже предпочли риску трусливую... о, простите, разумную осторожность! И где теперь великий город Ста Золотых Крыш?

– Пророчество...

– Пророчество, – встрял в спор еще один вельможа, в серой меховой шапке типа ушанка, тоже, наверное, знак должности какой-то придворной, – как верно заметил его светлость, можно толковать как угодно!

– И кому угодно!

– Верно! Например, как угодно вам, Ариниус! Или вашим друзьям из Рокфордейла.

– Эльфы, – наставительно так заявляет еще один, – наши главные союзники в борьбе с Тьмой.

– Разумеется, граф, разумеется. Только... может, правильнее сказать: это мы их главные союзники?

Я думал – графа от этих слов удар хватит. Апоплексический. Уж больно здорово он на помидор стал похож. Рукой куда-то вниз потянулся – видать, к кобуре, то есть к мечу верному.

А звать товарища графа, вспоминаю, Ротт Капчан¹. И ходит он, что характерно, в красной тюбетейке.

Мне с ним уже один раз не повезло... пересечься. Загнал он в угол и принялся... свое гениальное стратегическое виденье излагать. Только и смог, что чуть отодвинуться – чтобы слюна не долетала.

– Тяжелая кавалерия. В ней – будущее войны! Только тяжелая рыцарская кавалерия...

Ну вот, думаю тоскливо, надо же – и здесь свой Буденный нашелся! На мою голову.

И тут – над столом будто молнией шарахнуло. Карманной такой молнией, системы «искра наповал». Сверкнуло сине, свежестью повеяло и на миг – словно бы ледяными тисками со всех сторон сжало... легонько так, на пол-оборота... и отпустило.

Что забавно – в принципе, как я потом сообразил, эту штуку мог и старикан в мантии учинить. А может, и еще кто другой – магией здесь среди дворян балуется каждый второй, не считая каждого первого. Даже моя Карален, кошмар рыжий... ненаглядный...

Только вот там, в тот миг – я даже и не думал сомневаться, что шорох весь этот учинила Она.

Лихо. Вот, значит, какие милые фокусы ее высочество Дарсолана откалывать умеет. Запомним.

С полминуты, наверное, все молчали – пристыженно так,

¹ Роттэкэпчен – нем. Красная шапочка.

словно первоклашки расшалившиеся, на которых строгий учитель прикрикнул... да еще указкой при этом по парте с маху... для вящей убедительности.

– Итак. – Забавно, голос у Хранителя стал как выжатый лимон. Был весь такой сочный, повелительно-выразительный бас, а стал на пару тонов тише и спокойно-бесцветный, словно водица. – Еще раз напоминаю всем: мы собрались не для того, чтобы спорить об *уже принятом* решении. Цель нашего сегодняшнего собрания – решить, какие шаги необходимо предпринять для его выполнения.

Ежкин кот, думаю, попросить, что ли, у них протокол предыдущего совещания? Хотя бы краткий конспект, тезисы основные. А то сижу пенек пеньком – подходи кто хочет, стучи по голове пустой да звуком наслаждайся.

– Исполнить волю богов, – бурчит советник в темно-бархатном, тьфу, то есть в темно-синем бархатном, камзоле, – вот все, что нам необходимо.

– Вы, Реггерваль, как всегда, исключительно правы.

Я и до сих пор не дремал, а сейчас еще больше уши наострил. Потому как ответил Реггервалю своим вкрадчиво-масляным голосочком не кто иной, как Рем Бульдур – первосвященник Агни и Угни, богов Воды и Огня соответственно. С виду – скромный такой, в красно-синей сутане, золота-бриллиантов ни-ни, одна только цепь серебряная, знак сана или чего-то в этом роде. (Товарищ комбриг и то со своими рубиновыми кубарями не в пример роскошнее вы-

глядит.) Как бы даже он и не главный поп из тех, что при дворе ее высочества прописаны, – голов семь их здесь. И два-три из них, как меня уверяли, званием своим церковным – или не званием, а местом кумира своего в здешней божественной иерархии – повыше, чем Бульдур. Однако – их за этим столом не видать, а вот скромник наш красно-синий тут как тут.

Не то, чтобы он мне лично не нравился, видом своим антипатию вызывал и так далее – но подозрителен был. Потому как умный поп – это сочетание опасное. По крайней мере в моем мире, как припоминаю, без них редкая гадость обходилась. То Бруно на костер, то ночь Варфоломеевская, то крестовый поход на Русь в самый что ни на есть предательский момент. Куда в учебник истории пальцем ни ткни – непременно окажется, что откуда-то из-за угла типчик в рясе довольно скалится.

Конечно, может быть и так, что здешние попы совсем из другого теста слеплены. По крайней мере, первый мной встреченный – отец Иллирий – очень даже неплохим товарищем оказался. Помог существенно, разъяснениями и не только. Может... только вот, как говорил в таких случаях товарищ капитан, маловато у меня материала для статистических обобщений. Будем еще посмотреть.

– Однако что поделать, если боги изволят выражать свою волю столь туманно?

– И это, – с горечью вздыхает Реггерваль, – говорите вы,

их слуга.

– Увы, – разводит лапками поп, – и высокий сан, и долгие годы служения порой не способны уберечь от ужаснейших ошибок. И тому есть немало примеров... Впрочем, не буду утомлять ваш слух, ибо о многих из них уже напоминал его сиятельство Виртис.

– Рем...

Та-ак. Нет, думаю, надо мне в срочном порядке к голосу ее высочества этот... как его... иммунитет вырабатывать. А то опять – три ведра воды за воротник... только в этот раз к ним в придачу еще и шило в зад.

– Рем, ваше искусство *не говорить прямо* давно уже перестало нуждаться в доказательствах. А время – дорого. Начните с сути.

– Воля вашего высочества... – Поп виновато так вздохнул... мол, я бы, конечно, не против еще полчаса ни о чем поговорить, но коли уж вы просите...

– ...священна для меня лишь немногим меньше велений Агни и Угни. Что до сути – я всего лишь хотел сказать, что воля богов туманна для нас. Но ведь среди противников Тьмы есть и такие, кто преуспел в искусстве толкований куда больше.

– И кто же, позвольте узнать, они? – язвительно интересуется советник в серой ушанке.

– Как вы, Джауль, совершенно правильно предположили, – улыбается Бульдур, – это эльфы.

Ой, думаю, что-то сейчас будет. Если, конечно, ее высокочество принцесса Дарсолана в предупредительном порядке опять молнией не жажнет.

Эльфы эти... одиннадцатые² – это народец такой здешний. Дивный. Именно так – дивный, не я придумал. Вроде как наипервейшие борцы с Тьмой, при этом сами по себе добрые, мудрые, просветленные и вообще давно в своих лесах полный коммунизм построили. Даже, говорят, было время, остальных людей к нему приобщить пытались. Но – не вышло. Оно и понятно – против диалектики исторического развития не очень-то попрешь. Из местного, пусть и развитого, но при этом самого что ни на есть махрового феодализма и в социализм-то вырасти – задача на раз. База нужна для таких подвигов, ба-за! И не только идеологическая, но и промышленная – это вам не с ветки на ветку по лесу прыгать.

Мне до сих пор ни с одним товарищем эльфийской национальности лично пообщаться не довелось. Видеть – видел, а говорить...

Хотя нет, вру! Был момент, говорил. Только не со светлым эльфом, а с темным – это, чтобы понятно было, здешние эльфийские власовцы. Предатели Родины, дезертиры-изменники и так далее. Секунд пять говорил... а потом случилось у нас небольшое соревнование «кто кого», и вышло так, что «шмайссер» мой проворнее его меча верного оказался. Повезло. Мне – повезло, а ему, соответственно, совсем наобо-

² Elf – нем. одиннадцать.

рот.

В общем, то ли ввиду наличия темных, то ли еще почему, отношение к этим эльфам... дивное. Одни – Кара моя, к примеру, – чуть ли не святыми во плоти их числят, умнейшими, мудрейшими и вообще наипервейшими во всем, кроме горнорудного дела – та отрасль гномами давно и надежно застолблена. Впрочем, не будь гномов – я так думаю, эльфы бы все равно в шахты не полезли. Людей бы подговорили или еще каких дураков нашли.

Собственно, как раз по этому пункту недовольные голоса порой и раздаются. То есть заслуг эльфийских в деле борьбы со Злом никто не отрицает, были такие, и немалые. Да вот только заслуги те в подавляющем своем большинстве с таких незапамятных времен, что порой только сами эльфы о них и помнят. А если чего поновее вспомнить – люди да гномы. Есть о чем призадуматься.

Опять же – говорят, в медицине, то есть в той части магии, что здесь за полевую и прочую хирургию отвечает, достигли товарищи эльфы небывалых высот прогресса. Болезни под корень извели, сами все как на подбор, лицами прекрасны, сложением гармоничны. Даже, как меня уверяли, от старости не мрут – ну, это уж, по-моему, полные сказки.

Делиться же этими достижениями эльфы не торопятся, скорее наоборот – утверждают, что блага эти суть дары богов, исключительно для них, эльфов то есть, предназначенные. А пытаться оные блага на прочих распространить – во-

первых, ересь, а во-вторых, все равно без толку, потому как не работает.

Ну, в сказочки насчет вечной жизни я, понятное дело, ни секунды не верил. Магия магией, а логику тоже со счетов сбрасывать-то не стоит. Ведь даже у нас человек, который за собой следит, со спортом на ты и зубы чистить не забывает, вполне запросто может в свои сорок с хвостиком выглядеть моложе, чем какой-нибудь де... генератор, вот! Ну а со здешней медико-магией запросто можно и до двухсот-трехсот годков молодым и веселым дотянуть – так я полагаю.

Сам я одно про этих одиннадцатых точно сказать могу – по части камуфляжа и маскировки в лесистой местности они кого угодно поучить могут. Если, конечно, захотят. Выдавали мне тут уже на задание плащ-палатку ихней выделки – шик и блеск ручной работы, армейский камуфляж, что наш, что фрицевский рядом не стоял и даже в сторонке не курил. А что до остального – опять же, вспоминаем слова товарища капитана насчет количества фактиков для статистических обобщений.

За столом – уж не знаю, само собой так вышло или постарался кто-нибудь предусмотрительный – народ разделился поровну. Молчали только я и принцесса – зато его сиятельство герцог комбриг Клименко орал чуть ли не громче всех. У него, оказывается, к гражданам эльфийской национальности счет имелся, в размере сгоревшей «бэтэшки», то есть танка «БТ-5». Приключилась эта незадача, как я понял,

еще чуть ли не в первые недели после «прибытия» товарища комбрига в здешние края – Тьма в лице Некроманта Гааруга как раз в очередное наступление перейти попыталась. Ну и его свежее испеченное сиятельство решил господам Ричардам Львиная Грива и прочим дофинам с коннетаблями, как надо по такой вот прущей валом нечисти контрудары организовывать. И показал. Хорошо показал – ну так ведь Гааруг, будь он хоть трижды Некромант, это вам не Гудериан и даже не Гепнер.

Вот в процессе нанесения контрудара танк и сгорел. Как свято уверен товарищ комбриг, исключительно по вине и попустительству приданного «бэтэшке» пехотного прикрытия – эльфов.

У остальных... эльфофо... ну да, эльфофобов аргументы, как я понял, примерно того же порядка были. Только древнее. Но и у тех, кто им возражал, примеров тоже было хоть отбавляй – таких, когда без товарищей одиннадцатых делу Света вообще и людям в частности мог наступить капут. Причем – редкостно полный.

Слушать этот, как говорил товарищ капитан, культурный диалог на повышенных тонах было весьма и весьма занимательно. Мне другое не нравилось – я по-прежнему не понимал, за каким лешим меня на это совещание затащили? А если я в окружающей обстановке чего-то не понимаю, то начинаю злиться. Без нервов, эти штуки разведчикам противопоказаны, а спокойно так, обстоятельно – но злиться.

Ладно.

Сижу, слушаю, по сторонам поглядываю – и вдруг...

Выглядело это так, словно подкрался ко мне сзади кто-то и, что есть дури в руках, ушанку нахлобучил. Только что товарищ герцог Клименко прямо над ухом ревел, что твой мотор, а в следующий миг – пасть, то есть рот у товарища комбрига по-прежнему на ширину приклада разевается, а звука, считай, и нет. Только приглушенное бур-бур-бур, отдельные слова угадываются, а вот со смыслом уже проблема.

Скрывать не буду – в первый миг испугался. До жути. У меня ж за последнее время две контузии, считай, подряд. Первую словил аккурат перед тем, как меня к герру черному колдуну Арику Гор-Амрону «курьерской межмировой почтой» отправили, прямым попаданием. Отправить-то отправили, да только была та мина не первой в залпе, а островочек посреди болота, где мы отсидеться пытались, был маленький. Взрывная волна от шестиствольного – тетка ох какая неласковая. А вторая контузия – уже здесь, когда я от большого ума попытался взрывчаткой разжиться. Из снарядов.

Бывает ведь так, что последствия не сразу сказываются. Помню, когда в госпитале лежал, парень один из соседней палаты, с множественным осколочным уже совсем на поправку пошел, его уже к выписке назначили, а как-то днем упал в коридоре – и все. Полдюжины осколков из него вытянули, два самых глубоких оставили – вот один из них на пару миллиметров и шевельнулся.

Вот я и подумал – а ну как это меня те бабахи достали? И хорошо еще, если только по ушам...

– У тебя забавное имя.

И вот тут я подпрыгнул.

Почти. Не будь передо мной стола, исполнил бы шикарный «прыжок с перекатом из положения сидя» – тренировал нас однажды капитан на такой акробатический трюк. Но стол был, и, соответственно, край у него имелся. Вот о край я грудью с маху и приложился. Больно. Хорошо хоть, не заметил никто, больно «культурным диалогом» увлечены.

Главное – я был точно уверен, что она не говорила. В смысле – рот не раскрывала. Хотя голос был именно ее. Принцессы.

– Забавное?

– Для меня...

– Имя как имя, – говорю. – Там, откуда я пришел, вполне себе обычное.

– Там, откуда ты пришел... – эхом повторяет она. – Да... там, откуда ты пришел, обычно все то, что кажется нам здесь странным... страшным... или забавным. Там, в твоём мире... на вашей войне.

– Ваше высочество...

Ну и чего бы, думаю, ее такого сказать? Желательно, немного...

– Ваше высочество, зачем я здесь?

Сказал и понял – неудачно сказал, неправильно. Получи-

лось, будто я у нее спрашиваю, какого лешего в их мире, на их войне забыл.

Но – она правильно поняла.

– Ты здесь, потому что я хотела посмотреть на тебя, Сергей Малахов. И я пришла сюда только за этим.

Вот те, как говорится, и раз! Принцесса? А может, девочка с ветром в голове? Ой-е.

– А остальные, – интересуюсь, – что, тоже собрались только и исключительно на старшего сержанта лишний раз полюбоваться? Или все же тут чего-то вроде совещания стратегического значения происходит?

– Остальные – мои советники!

Личико у нее по-прежнему было серьезное-серьезное, но, судя по голосу, – я поклясться был готов! – ее высочество принцесса Дарсолана улыбалась, почти смеялась.

– Советники нужны, чтобы давать советы. А решаю – я! И я *уже* решила.

У-у, как интере-е-сно...

– И что, – спрашиваю, – вы, ваше высочество, изволили решить?

– Завтра на рассвете мы отправимся в путь. Я, ты и Ариnius! Мы отправимся к эльфам, чтобы задать вопрос, ответ на который я уже знаю.

Глава 2

Было это даже и не так чтобы дело, а – поручение. Можно даже сказать, просьба.

Конечно, с учетом надвигающегося Задания можно было бы эту просьбу к лешему отправить... но ведь не к теще за блинами прокатиться просили – по делу.

Имеется среди прочих миров, куда местные обитатели тропинки топтать наострились, один мирочек, именуемый Травяным. То есть у него и более официально-научное название есть, но только выговорить, не глядя в бумажку, а уж тем более запомнить – задача на раз. Невсклертиш – как вам названьице? Выдуманно, как я подозреваю, специально для тех, кто у себя склероз в ранней стадии подозревает, – дабы по утрам вспоминали, в порядке тренировки и общего развития памяти. Ну а для остальных просто Травяной Мир. И не перепутаешь – травы в этом Мире не просто много или даже очень много – в нем кроме этой травы ничего и нет. Синяя, как океан, трава, над ней небо зеленое, а в небе – солнце малиновое, вот и вся картина маслом, и сколько ты по этому Травяному Миру ни броди, другого не увидишь. Степь гладкая, да трава... тоже будто подстриженная. И все.

Долго бродить, впрочем, не получится. Не приспособлен этот мир для длительного в нем пребывания. То ли в воздухе химия какая враждебная имеется, то ли солнце неправиль-

ными лучиками подсвечивает – но больше недели там человек не выживает. По крайней мере, так мне Кара рассказывала, а лично проверять, сами понимаете, желания не возникло.

Хорош же Невсклертиш, с точки зрения местных, исключительно тем, что по той загадочной шкале, коей здешние межмироходцы руководствуются, Травяной от их собственного далек. Поскольку в том разделе магического прогресса, который за эти межмировые похождения отвечает, силы Тьмы – по мнению все тех же местных – находятся в глубокой заднице, вероятность появления в нем противника, с целью устройства засады или еще зачем, крайне невелика. Можно даже сказать – ничтожна. Жаль только – из-за той же самой удаленности расстояния в Невсклертише со здешними соотносятся неправильно. А кони в нем мрут еще быстрее, чем люди. Даже если мешок на морду натянуть, чтоб травы не жрали. Вот и выходит – стоит ли по дальнему миру неделю ножками топтать, чтобы в итоге во вражеской «прифронтовой полосе» оказаться? Если мирок «поближе» выбрать – риск на засаду нарваться больше, но коль повезет, за ту же неделю глу-у-убоко в оперативный тыл утопаешь. Дилем-ма...

Ну а у меня перед местными в этом отношении большое преимущество есть. Конь железный – «додж» три-четверти, по имени Аризона. Имя он сам выбрал. Ей-ей, не вру – выбрал и посредством кузнеца о своем выборе сообщил. По

здешним меркам – обыденнейшее явление, сплошь и рядом приключается. Даже мечи и прочие сабли – уж на что примитивные железяки – и то всюю с хозяевами болтают. А имена этим саблям-палашам обычно на древних языках даются, не всякий дворянин таким же похвастаться может. Попадется ему, к примеру, Гламдринг или, скажем, Оркрисст – и думай, то ли эту трижды священную реликвию на пояс цеплять, то ли на стену вешать и поклоны бить. Я и то, как рассказали, ночь заснуть не мог, все на «ППШ» поглядывал... нервно. Он ведь *конструктивно* куда сложнее секиры – не просто полоса стали прокованной, а нарезной ствол, возвратно-боевая пружина... механизм. А разговаривать товарищ Шпагин привык очередями, вот я и прикидывал: куда рикошеты пойдут, если он мне доброй ночи пожелать захочет?

А еще Аризона по примеру сабле-мечей хозяина себе выбрал. Меня. И теперь никто другой его даже завести не может, не говоря уж о том, чтоб хоть пару метров проехать. Потому-то меня и дернули так – перед Заданием.

Ладно.

Поручение было простое – прокатиться по Травяному Миру две сотни верст, забрать в условленном месте человека «с той стороны» и обратно вернуться. Если неожиданностей не воспоследует, а вроде бы неоткуда им взяться, то вполне можно к ужину в замок возвратиться. По крайней мере, я так думал.

Чего у Невсклертиша не отнять – кроме заковыристости

названия – так это красоты. Хоть ты ее тачками вози, хоть вагонами, хоть целыми эшелонами. Эх, нет у меня таланта художественного – так, чтобы кистями да по холсту три на четыре метра: «Заход солнца в Травяном Мире». Когда зеленое вверх, а синее – внизу и кажется, что вот-вот оторвешься от чужой для тебя здешней тверди земной и начнешь падать... вверх. Когда малиновый, в три раза больше нашего, косматый шар краем синего травяного океана касается... и мой Аризона по этому океану, точь-в-точь как торпедный катер, летит – мотор на всю степь ревет, кильватерный след за кормой. Когда ветер в лицо и пахнет этот ветер шоколадным пломбиром, настоящим, довоенным!

И в какой-то миг я не выдержал. Остановился, заглушил мотор, вылез, отошел на десяток шагов и, как пулей скошенный, рухнул в траву, утонул – и замер.

Тихо. Тишина невероятной силы – вот как это называется. Даже ветра нет. Всех звуков в мире – часы на руке, да кровь в висках. И зеленое небо над головой, огромное, как жизнь.

И кажется – вечность мог бы вот так лежать. А еще – что примерно столько и лежал.

Последний раз я вот так, не в порядке сознательного отдыха, а просто потому что накатило... ну да, в 42-м. Ровно за неделю до первого ранения, где-то между Волгой и Доном. Безымянный пригорок над заросшим проселком, остатки двух рот – едва на взвод и приказ 227, ни шагу назад. К полудню мы закончили с траншеей, лейтенант скомандовал

перекур – и я, совсем как сейчас, отойдя на десяток шагов, просто упал, раскинув руки, в траву.

Тогда небо было ослепительно голубым, и по нему быстро ползли – дурацки звучит, да? «быстро ползли»... только не знаю, как по-другому сказать, – пушистые белые облачка. И вокруг надрывались кузнечики, и пахло не пломбиром, а свежевскопаным черноземом – от траншеи. А еще хлебом – справа от проселка золото колосьев тянулось до самого горизонта, – разогретым металлом, чем-то горчащим, кажется, полынью... и гарью. В степи запахи разносятся далеко, а огонь в те дни был повсюду.

Тогда... на какой-то неуловимый миг я вдруг почти поверил, что войны – нет! Есть только вечное небо и столь же вечная земля, а ползущие где-то впереди черные танки с крестами и автомат рядом со мной – все это убийственное железо еще не вырвали из недр, а может, оно уже давно рассыпалось в ржавый прах. И тишина – именно потому, что отгремел последний, самый-самый последний выстрел и больше их не будет никогда... и стрелять некому и нечем.

А этот Мир, наверное, и звука-то такого не знает – выстрела.

Жить... долго... счастливо... за себя – и за всех тех, кто навек остался на том безымянном пригорке и на всех остальных пригорках, высотках, в лощинах, на опушках и песчаных, сплошь изрытых воронками, узких полосках берегов. Тех, кто упал под перекрестным, не встал после арналета

или бомбежки, не вернулся из вылета или поиска.

Жить... дышать... любить...

И забыть слово «смерть».

Тишина.

Лежать бы так и лежать... даже извилиной и то шевелить не хочется. А хочется расслабиться всем телом, каждую клеточку на волю отпустить, роздых им дать. Пока можно... здесь и сейчас. Три года не было случая, чтобы так подошел. А будет ли еще – этого, наверное, даже сам черт рогатый обыкновенный – если он вопреки атеистической теории есть на свете, живет и здравствует себе где-нибудь в жарких и смолистых *регионах* – и тот знать не знает.

Скрывать не буду – *поплыл* я под этим солнышком малиновым. Разнежился... в какой-то миг поймал себя на том, что почти засыпаю.

Опомнился мгновенно – словно ушат воды на загривок заполучил. Вскочил, на часы глянул – сорок три минуты, всего-то. Я уж думал, часа три отвалился, не меньше. Хотя подумать – три часа, это солнце бы зайти успело, а оно пока что едва-едва только горизонта коснулось.

Закат в Невсклертише – это песня вообще отдельная. Такая, что на одного лишь него любоваться можно было бы экскурсии устраивать – и народ бы на те экскурсии ломился не хуже, чем в кинокассу на премьерный показ.

У меня даже мыслишка шальная пробежала – а может, и правильно, что Травяной Мир сейчас для людей такой него-

степриимный? Может, это природа взяла, да и создала эдакий... санаторий – и сама же срок путевки определила. Хочешь отдохнуть от трудов праведных – добро пожаловать. Приходи, валяйся на травке, закатами-восходами любуйся, тишиной первозданной наслаждайся – но не задерживайся. Отдохнул сам, дай другому красот и чудес отведать.

Интересно, думаю, было бы землю тут вглубь копнуть, на предмет воды. Вдруг нарзан зафонтанирует?

Ладно.

Глянул напоследок на солнце, взялся за баранку – и никуда не поехал.

Потому как не завелся мой конь железный.

Та-ак...

Спокойно, себе говорю, только без нервов. Противопоказаны нам нервы.

Опробовал еще раз. И еще. После пятой попытки спокойно, не торопясь, вылез из машины и под капот нырнул.

На первый взгляд, все на месте. И на второй, что характерно тоже – и даже на ощупь. Заряд в аккумуляторе есть, искру дает исправно, масло в норме, подтеков лишних не видеть – а вот поди ж ты!

Хорошо, думаю, прекрасно-распрекрасно... не хочешь просто – будем разбираться.

А еще через полсотни минут понял я, что никуда Аризона с этого места не уедет. В смысле – своим ходом, не на буксире. Тягача же на, как говорит старший лейтенант Светлов,

доступном наблюдению участке местности не наблюдается и, крепко подозреваю, на недоступных участках Травяного Мира тоже.

Картина, что называется, маслом. Хочешь – плачь, хочешь – смейся! Хочешь – на голове стой, хочешь – на балалайке играй! Толк от этих вариантов времяпровождения будет примерно равный, то есть нулевой.

Машину мне не починить. И позвать на помощь некого – кроме травы, которая, если я правильно понимаю учение товарища Дарвина, до уровня автомеханика еще много-много миллионов лет эволюционировать будет. А из более эволюционно и революционно развитых существ один я сейчас в Невсклертише. По крайней мере, на ближайшие пару часов...

Обстановка на самом деле была простая. До места встречи первоначально было километров восемьдесят, из них осталось шестьдесят, это как минимум. Местность и погода проведению марафонского забега тоже благоприятствуют – не болото и не снега по пояс.

Вот только машину бросать ну очень не хочется.

Компас надо было взять! Так бы хоть азимут засек. Понадеялся, олух, на магию... впрочем, магия-то ни в чем не виновата, амулетик вон вполне себе исправно работает, направление на место встречи показывает. Проблема в том, что и место это, равно как и точка возвращения – неста... нестанционарные, тьфу, нестационарные то есть. Скачут как

блохи, с утра в одном месте, а к полудню – километрах в десяти в стороне.

И если я сейчас Аризону брошу... тут разве что авиаразведка поможет. Или божья помощь – не уверен, чего в Травяном Мире раньше дожждаться можно.

Ладно.

Закрыв капот... и ка-ак врезал сапогом по колесу – «додж» аж качнулся! Или это у меня в глазах качнулось... больно ведь! Вот ведь дурак... ума палата... еще бы кулаком саданул или лбом о радиатор постучал. Плохо, когда дури или злости много – плохо и больно.

Сел рядом, коленом подбородок подпер.

– Эх ты, – говорю, – «додж»... по имени Аризона. Что ж ты так... не вовремя.

Хотя, думаю, а когда на войне что-нибудь вовремя ломается?

Но все равно – обидно. Дурная такая обида... детская. Игрушка любимая сломалась... эх, ежкин кот.

Особенно пулемета жалко. Крупнокалиберный «березин», со сбитой «пешки». Мы с Карой из него не кого-нибудь – настоящего дракона завалили. А эта зверюга страшнее иного мессера будет. Ей-ей – муссоршмит, он что может? Ну, фугаску уронить, ну горсть осколочных сыпануть, из огнеточек причесать... а дракон – это, я вам доложу, тот еще гибрид птеродактиля с огнеметным танком. Ка-ак плюнет – пока площадь эффективного поражения сосчитаешь, аккумуля

рат до косточек обуглишься.

Может, думаю, все-таки выдрать его из турели? Не такой уж ведь он тяжелый – кило двадцать, не больше.

А потом представил, как вываливаюсь я из портала: с одного боку пулемет болтается, с другого – «ППШ», его ведь тоже не бросишь и даже диск не выкинешь... а лентой от «березы» разве что подпоясаться. Вываливаюсь и тут же, не сходя с места, торжественно подыхаю, точь-в-точь как тот древний грек, который от Марафона до Афин примерно таким же вот макаром пробежался. Представил – и в этот миг, словно кран открутили – начал хохотать... ржу, как заправский рыцарский конь и никак остановиться не могу. Пробыло, что называется.

Кое-как отсмеялся. Достал из машины бинокль, автомат на плечо повесил.

– Ну, – говорю, а самого все еще на хихик тянет, – бывай... «дожд» по имени Аризона. Звиняй, если чего не так было... лихом не поминай.

Сверился с амулетом – и зашагал себе вперед. Не оборачиваясь.

Шагать на своих двоих, понятное дело, не так весело, как на четырех кататься. Но – с нашей, пешей разведки, точки зрения такую вот прогулку иначе как променадом и не называть. Идешь себе спокойненько – никто тебя не высматривает и уж тем более не выцеливает. И минных полей в Травяном Мире, думаю, в текущую геологическую эпоху не пред-

видится.

Шагал я недолго. Минут двадцать.

Сначала и не понял, что именно ушами словил. Да и звук был слабый. Еле-еле различимый, на грани слышимости. А вот когда чуть громче стал – тут уж ошибиться просто невозможно стало.

Я встал. Замер как вкопанный. А обернуться – хотите верьте, хотите нет – боюсь! С трудом шею вывернул, посмотрел... протер глаза, головой потряс, еще раз глянул...

– Нет, – говорю, неизвестно к кому обращаясь, – не может этого быть! В принципе не может.

Только вот не слышал я до сего дня про миражи «доджей» три-четверти, тем более – про миражи со звуковым сопровождением в виде моторного рычания.

Катился Аризона сравнительно медленно – километров двадцать, двадцать пять в час, не больше. Я посторонился, пропустил... догнал в три прыжка и на сиденье плюхнулся. Схватился за баранку... ежкин кот, думаю, а может, не рисковать, не трогать ничего? Едет машина в правильном направлении и пусть себе едет.

Даже руки отдернул. А мигом позже сообразил, что назад-то все равно поворачивать придется. Не в кругосветку же отправляться.

И еще сообразил – я ведь машину на нейтралке оставил. Ну, если допустить выпадение памяти и помутнение мозгов – на первой скорости. Никак не на второй.

Что прикажете думать? Шел себе по Невсклертишу добрый волшебник, увидел «додж», весь из себя одинокий и брошенный, да и решил – подсоблю-ка правому делу в лице старшего сержанта Малахова. Да только волшебники – они ведь, как известно, не всегда исключительно добрыми бывают...

Еще пару секунд поколебался. Нет, думаю, чушь все это! Даже если какой черный колдун и возгорится желанием за смерть друга и соратника отомстить и при этом сумеет в Травяной Мир тропку отыскать, то уж в технике-то он вряд ли разбираться станет. Мину под капот – это не про чернокнижников, тут техническое мышление нужно. Вот пучок молний с неба – запросто. Сотню орков тоже неплохо было бы, пока я пеший шагал – диск у меня один. Соответственно, больше семи десятков даже при самой снайперской стрельбе не уложу, а от тридцати орков при мечех да копьях прикладом не отмахнешься – не комары.

Чушь и бред!

И спокойно взялся за руль. Педаль, рычаг... для проверки еще и передний мост включил. Все в порядке, работает, как часы хорошие, словно минут сорок назад я совсем другую машину завести пытался.

Такие, значит, пироги с вишнями. Фе-но-мен.

Мысли по поводу данного феномена у меня кое-какие имелись. Причем – разнообразные. А поскольку надобность следить за дорогой отсутствовала как таковая вместе с самой

дорогой, я эти мысли-мыслишки потихоньку в голове прокручивал – обстоятельно, неторопливо. И так этим занятием увлекся, что едва успел на тормоз нажать, когда в траве перед машиной вдруг ручей нарисовался.

Повезло. Будь скорость чуть больше или я понеვნимательней – наверняка бы влетел. А так сдал назад, вылез – мотор, ясное дело, в этот раз глушить не стал – взял бинокль и пошел смотреть, что это за новые элементы пейзажа в Травяном Мире завелись.

В ходе осмотра выяснилось: ручей этот вовсе не ручей, а речушка, правда, небольшая. Метров пять в ширину и чуть больше двух в глубину, причем глубина эта почти у самого берега начинается. Не речка, а готовый противотанковый ров. Или, соображаю, противододжевый – больно уж хорошо Аризона по габаритам в эту речушку укладывается.

Стою озадаченный, пилотку на затылке чешу. Проблема-то, что называется, на раз. Форсирование водной преграды в условиях отсутствия наличия каких-либо средств... для указанного форсирования. По крайней мере, с моей точки зрения, может, кто другой и сумел бы из травы плотик сплести... такой, чтобы машину в две с хвостиком тонны выдержал. Но нет здесь этого *другого*, а есть старший сержант и «додж» по имени Аризона. А у «доджа» три четверти достоинств, много, целый вагон, жаль только, что умение раскатывать под водой среди них не числится.

Минуты две простоял, то да се прикидывал, так и сяк

смотрел – и высмотрел, что вниз по течению река вроде бы уже становится. По крайней мере, при взгляде в бинокль именно такое впечатление возникло, а мой Карл Цейс пока что привычкой врать да путать не обзавелся.

Он и не врал. Речушка эта забавная и в самом деле, чем дальше вниз по течению, тем уже становилась. С примерно пяти метров – до примерно двух. А дальше... дальше никакого дальше не было!

Потому что текла река эта аккурат до камня.

Признаюсь – я в геологии не специалист. Мне что гранит, что базальт – в немецком бетоне для дотов лучше разбираюсь. Да и не очень-то меня его видовая принадлежность волновала. Другое было куда как интереснее.

Кое-что в памяти почти сразу заворшилось, как только его увидел. Уж больно вид у этой глубины был характерный. Здоровенный валун, скала, можно сказать, стоит себе посреди степи, а под него вода течет... вспомнили? Я вспомнил. А когда ближе подкатил – что называется, узрел воочию.

Надпись на этом камне была выбита. Причем – старым стилем, дореволюционным, с ятями. А может, и еще более – церковно-славянским.

«Направо пойдешь...» ну и все остальное, что по тексту сказки положено.

Так, думаю... приехали... называется.

– Дальше-то что? – вслух интересуюсь, не знаю уж у кого. У Аризоны, наверное – других слушателей, благодарных и не

очень, вокруг визуальным наблюдением не обнаруживается.

– Кто следующий-то на арене цирка? Три богатыря? Сивка-бурка вещая? Птица Гамаюн?

Ситуация идиотская до колик – только вот смеяться отчего-то не хочется. Особенно как представляю, что следующим пунктом в списке может Змей Горыныч значиться – нашего недобитого дракона двоюродный дедушка.

И ведь что примечательно, почти с обидой думаю, когда в прошлый раз мы с Карален по Травяному Миру ехали, никакой похожей чертовщиной и не пахло. Единственное – Зеленый Странник ночью к костру выполз, ну так он к сказкам никаким боком касательства не имеет, а вполне себе известный местным персонаж. Паскудный, на мой вкус, персонажик, но по большому счету безобидный. Особенно, если затычки для ушей заранее припасти.

Надо было и в этот раз проводника брать. Хоть кого-нибудь, раз уж рыжей моей под рукой не оказалось.

Ладно.

Вообще, думаю, чего я гадаю? Не богатырь ведь, при коне и мече. А главное – надо мне во вполне конкретную сторону и всякие развилки... шли б они лесом... ну или степью.

Вывернул руль, спокойненько так валун объехал, осмотрелся – степь как степь, – с амулетом еще раз сверился и покати себе.

– Тоже мне, – под нос бормочу, – сказочники выискались. Коня им, видите ли, подавай. А если у меня этих лошадей

в моторе девяносто с хвостиком, так что прикажете? От цилиндра кусок отпилить? Баяны... вещи...

И в этот миг мы сели.

По-хорошему, мог бы я и сам сообразить, вовремя. Если бы не на магию с волшебством кивал, а головой по назначению воспользовался.

Вода под камень течет. Причем – в значительных количествах. Спрашивается, куда она из-под этого валуна деться может? Если не думать – как это я сейчас блистательно проделал, то можно уверенно сказать, что водицу эту злым колдунством уносит за тридесять земель на остров Буян, в дворцовый водопровод Кощея. А вот если подумать...

Сел Аризона хорошо, всеми четырьмя колесами. Я для проформы подергался туда-сюда, хотя уже с первого взгляда осознал – глухо. Из такой трясины и полный привод не вытащит... тут даже гусеницы не помогут. Мы ведь не с ходу влетели, а метров на пять-десять вглубь заехали – и только тогда корка не выдержала. Две с хвостиком тонны... это вам даже не першерон богатырский в полной рыцарской броне.

Правда, «додж» – машина длинная да широкая, так что дальше днища пока тонуть не собираемся. И на том, думаю, спасибо.

Открыл дверцу, ногой осторожно так попробовал – нормально держит.

– Что, – говорю, – каменюка. Думаешь, поймал нас, глыба необразованная? Ну-ну...

Кругозор, он широким должен быть – это и для общего развития полезно и для здоровья в частности. Вот я Илью Муромца как выдающегося богатыря и народного героя, само собой разумеется, уважаю, даже очень. Но и барон Мюнхгаузен мне симпатичен, невзирая на классовую чуждость. Редкостно находчивой бестией был господин барон, умел в сложных жизненных, как говорит старший лейтенант Светлов, коллизиях присутствие духа не терять. К примеру, угодил он как-то раз в болото, вместе с конем, в точности как я сейчас. Казалось бы, гиблая ситуация – только господин барон не растерялся, а взял да и вытащил самого себя за волосы... вместе с конем.

Смешно? Как по мне – не очень. Мне до барона далеко, не спорю, зато и конь у меня – не простое четвероногое...

Главное – чтобы каменюка выдержал. С виду он, конечно, выглядит основательно, но что у него внизу... запросто ведь все могло размыть к лешему.

Повезло. А может, валун просто от наглости моей ошалел – но уже через пятнадцать минут Аризона всеми колесами на твердой земле стоял. Я трос обратно смотал, сел в машину и – не удержался – притормозил у камня со стороны надписи. Мальчишество, не спорю – но раз уж так совпало, что у меня в кузове краска белая имеется...

В общем, взял я эту краску, кисть, вылез и под строкой «коня потеряешь» аккуратно вывел: «Если конь у тебя без лебедки!»

Я почти уверен был, что опоздаю. Пока в траве загорал, пока в Аризоне заглохшем копался, пока из болота само-вытаскивался, пока объездной путь искал... верных два часа задержки набежало. Ну, положим – минут десять-пятнадцать я отыграл тем, что неся с педалью у пола, но не больше.

А вышло – и круги вокруг машины успел понарезать и даже костерок разложить. Уже и завязки у вещмешка начал распутывать, и тут-то в воздухе прямо перед капотом знакомое чернильное пятно разлилось – я еще подумал ехидно так, что на запах явился.

Помню, лежали мы с Витей-Шершнем в дозоре – за рюкзак следить, а в полусотне метров от нас немецкий пост был. Мы вторую неделю в поиске, на двоих – полторы галеты да полфляги... часам к трем кишки уже чувствительно так начали к спине липнуть, и тут фрицам обед подвезли. Как назло – ветерок от них, и все эти колбасы-сосиски, супчик горячий из термосов... закроешь глаза и видишь... а они гогочут, и пальцы сами по себе к финке тянутся.

Как я тогда на слюни ни изошел – не знаю.

Ладно.

Вообще-то признаю – сглупил я преизрядно. Местные меня чуть ли не хором уверяли, что по дальним Тайным Тро-

пам никто чужой пройти не может. Я и развесил уши – а ведь был, как говорит старший лейтенант Светлов, прецедент. В самом начале, когда я еще при замке барона Лико себя числил, а с рыжей у нас была не горячая любовь, а буйная ненависть, мы с ней в поиск сходить надумали. Сходили-то удачно, даже языка ценного приволокли, гоблина-фельдъегеря... он, правда, зараза, насморк подхватить умудрился и от этого насморка окочурился. А вот по дороге... шли мы тогда через Мир Зеленого Неба, Криснолан. Шли, никого не трогали – и встретили десять явственно недружелюбных личностей, из которых четверо встречи не пережили, а остальные растворились в неизвестных направлениях. Именно так, прыгнули вбок и в воздухе растворились... я и сам с трудом глазам поверил.

Когда же мы про этот случай отцу Иллирию, попу замковому, доложили, он только руками развел – в его летописях про засады на Тайных Тропах вовсе не поминалось. А придворные маги, как выяснилось, давно уже подозревали, что в ближних мирах противник потихоньку активность проявляет. Только все они выяснить не могут, кто и как... а поскольку самомнения у них хоть эшелонами вывози, то поначалу они эту информацию придерживали – все надеялись, что вот-вот разберутся, выявят и пресекут на корню.

Стычку ту я не забыл – да и вообще не имею привычки без оружия по незнакомым местам раскатывать. А вот что вражина может прямо из портала вывалиться – не ждал. Олух...

В результате имеем – формально у меня огневое превосходство, просто подавляющее: крупнокалиберный в кузове, автомат на сиденье. Практически же – сижу я над недоразвязанным мешком с застывшей улыбочкой и гляжу на самого натуральнейшего орка: два метра роста не считая скальпа, клыки в пасти – любая фрицевская овчарка от зависти сдохнет – и сабля типа меч соответствующих габаритов. Гляжу и соображаю: не допрыгнуть мне до автомата! Прыгну целым, а долечу уже в виде половинок.

Вся надежда на финку в сапоге. Чуть ближе подпустить – и в горло! С пяти шагов я уже давно промахиваться разучился.

Орк ноздрями пошевелил. Хрюкнул. Подошел к костру, меч острием в землю воткнул, сам рядом на корточки сел.

– Ух, – с характерным таким шипящим акцентом говорит, – до чего ж и соскучился я по кровяной колбаске от Старшего Повара Лашиуса.

Не будь у меня руки мешком заняты – врезал бы себе по лбу, для встряски мозгов. Понятно ведь, что из вражеского тыла человек не в нашей парадной форме явится, сами не один раз маскарад учиняли. Конечно, клыки из пасти подделать сложнее, чем каску поменять, но если местные дантисты решили ударным трудом Родине подсобить...

– Сородичи мои искусны черепа крушить, но повара из них никудышные. Недаром к каждой орочьей сотне два гобла-кашевара полагается.

Да уж, думаю, оголодал мужик.

Первую колбасу он сожрал, я и заметить не успел как. Вторую – еще быстрее.

Только после пятой притормозил. Оглянулся на «додж», прищурился...

– Слушай, – говорит, – ты, что ли, будешь Воин Из-за Края Мира? Сергей Мяхалов? Который сам-один Гор-Амрона прибил, черный замок на булыжники разнес и ва-аще?

– Нет. Не я.

– Не ты?

– Не я. Звать меня Сергей Малахов, Гор-Амрона ликвидировал – не отрицаю, а вот с замком незадача. Брал я его не один, на валуны не разносил, только подпалил... слегка. Да и был он не черный, а вполне себе нормального каменного цвета.

– Гых. Ты ва-аще хоть знаешь, сколько за твою черепушку обещано?

Я как раз в мешке рылся, выискивал, чего б ему еще из мясных деликатесов кинуть. Поднял глаза – а у орка лапа на рукояти меча и глазищи полувыкаченные сверкают не хуже клыков.

– Шо, – спрашивает, – смотришь? Не так че?

– Так, так, – говорю, – только... бечевку из зубов вытащи.

– А, угу. Еще колбаса есть?

– Угу, – в тон ему отзываюсь. – В замке.

Смех у орков заразительный. От слова «зараза», да...

Отсмеялся он, пальцы зачем-то о кольчугу вытер, выудил из сумки на поясе что-то вроде дохлой летучей мыши и мне протягивает.

– Разверни.

Я развернул. Осторожно – штука эта сдохшего нетопыря не только видом, но и запахом напоминала. Секунд пять соображал...

– Карта, что ли?

– Угу. Она самая.

Я хотел спросить: почему рваная такая? – но передумал. В конце концов, карта из вражеского тыла, она всегда на вес золота, даже если из очень отдельных лоскутов состоит. Кому надо, те не то что склеят – из пепла соберут, пылинка к пылинке...

– Значицца так, – говорит орк. – Сведения у меня все, как на подбор, нужные да важные, потому слушай внимательно. В двух головах, гых, сохраннее будет.

Нагнулся, ткнул ногтем в один из лоскутов.

– Третьего дня вот к этому отрогу, – говорит, – выдвинулась стая Хэлга. Стая свежая, после отдыха, недавно молодняком пополнялась. Голов пятьсот наберется. Правда, – добавляет, – волкодлаки у них еще плохо объезжены.

Я себе в голове мысленно эту стаю Хэлга в более привычные единицы перевел – волкокавалерийская бригада, одна штука, – и галочку соответствующую поставил.

– Здесь, – орк в соседний лоскут тычет, – троллей пона-

гнали. Одну крепость, вашу еще, перестраивают, а в пяти лигах к северу новую громоздят. Строят быстро – Владыка сказал, что, если к зиме не закончат, всех начальствующих в котлы отправит, даже последнего десятника.

– А что, – спрашиваю, – он и вправду может так вот, за просто?

– Гых!

У меня сразу же загорелось – учинить бы на этой ихней ударной стройке диверсию или саботаж какой. Много ведь и не надо, главное – затянуть, а там уже Владыка этот и без нашей помощи собственные инженерные кадры в расход выведет.

– Дальше, – рычит орк. – Орду Кшифа и часть орды Нема сняли с Перевала и вывели в приграничье. Зачем – не знаю. На их место каких-то восточных прислали... и среди них – гвардейская сотня. Самолично видел – здоровые, как огры, броня из личных мастерских Повелителя... с первого взгляда и не скажешь, что орки, а не Черные Рыцари.

– Занятно...

– Гых, – продолжает орк, – самое-то вкусное я напоследок приберег. Слушай ушами, человек: дюжину дней, как ни одной летучей твари к Западу от Рууда не видали. Не то, что дракона – мантикоры заваливающей.

– Точно?

– Точно – это ты у Владыки спроси! Тебе-то, Маляхов, он скажет... он тебе много чего сказать хочет. А нам, простым

оркам, мясу копейному, кто ж чего сообщит. Че в небе углядели, то и наше.

– Малахов я, – поправляю орка, а сам в голове потихоньку новости его прокачиваю.

Пожалуй, думаю, не преуменьшил клыкастый. Знатные новости. Стратегического, можно сказать, значения. Ну, оперативного – наверняка.

Если бегло прикинуть: наблюдается у противника количественное и качественное усиление наземной группировки вкупе с усиленными же фортификационными мероприятиями. Это раз. А два – авиацию как ветром сдуло... то ли на другой участок фронта, то к лешему на блины. И к чему бы, спрашивается, такие пироги с вишнями?

А к тому, соображаю, что похожа данная картина на подготовку к сидению в долговременной обороне. Впереди, у самой границы, кавалерия... волкообразная, с задачей не иначе как обнаружить и покусать. За волчишками-серыми хвостиками – пехотура, в ней наступающие части вязнуть будут и к укрепрайонам в глубине обороны выйдут, потрепанные да измотанные, с обозами отставшими. И вот когда они об свежеотстроенные крепости лбы поразбивают, тут-то из тыла гвардия и выпрыгнет, как чертик из омута. И авиация подоспеет – им-то проще, Фигаро здесь, Фигаро там...

Можно, конечно, и еще хитрее завернуть. Усыпить чужую бдительность – дескать, мы, кроме как лишнюю траншею отрыть да минным полем ее отгородить, ни о чем ином не по-

мышляем. И если противник попадаетея глупый да небитый, ка-ак шарахнуть! Не было авиации, говорите? Ну, для кого и не было, а для кого и в двойном-тройном количестве имелаь... просто в небе лишний раз не светилась.

Ладно. В конце концов наше, разведывательное дело простое – дойти и доложить кому следует. Ну а по части высокой стратегии пусть у их сиятельств Клименко со товарищи головы болят. Благо – в голове у товарища комбрига и академия Фрунзе имеется, да и здешние условия он не в пример дольше меня изучал. Причем не с колокольни погранично-го замка, а, считай, из Ставки Верховного Главнокомандования. Тут и коленкор иной и кругозор соответствующий – не сержантский. Даже если этот сержант – старший и в дивизионной разведке год без малого умудрился отвоевать... и в живых остаться.

Эх, капитана бы нашего сюда! С ним сам начштаба, товарищ подполковник Остряков, советовался не один раз. Фрагочка у него была: «Ну, глаза и уши дивизии, чем голове от ейной мигрени поможете?»

Ейной...

И – словно захлестнуло – я вдруг увидел избенку из почерневших бревен, усача Острякова, который, входя, опасно глянул на низкий косяк и пригнулся: – Вот же ж... не согнешься – не проползешь, верно, разведка? – подмигнул мне... а капитан лежал на лавке у окна и читал книгу... в серой матерчатой обложке... что ж это было? Света в избенке

было мало, чертовски мало, я еще тогда подумал: коптилку поставить, и то ярче будет, чем сочится сквозь это мутное, подслеповатое оконце.

Что же он читал? Внизу была надпись – «Москва» и дата, 1939. А выше... я помнил только отдельные буквы... не обычные печатные, а наклоненные, стилизованные под рукописные. Кажется, это называется *курсив*. Прописные буквы... от слова «пропись». У меня в первом классе была пропись – тетрадка, специально расчерченная для удобства вырисовывания этих самых букв. Только они все равно получались кривые да горбатые... совсем не такие красивые, как на той обложке.

В первом классе... вечность назад.

Что же читал капитан в тот день?

Не знаю, почему я так зацепился за эту мысль. Костер из чужих трав, степь иного Мира, «додж» по имени Аризона и сидящий передо мной человек с зеленой кожей и звериными клыками во рту – все это отступило куда-то вглубь, а взамен на передний план выдвинулась тоненькая серая книжка с почти неразличимой в полумраке надписью.

Первая буква в том названии была Г. Или нет? Т? Да, точно – Т. То... Нет, не так. Слов было два. И первое было над вторым, напечатанное еще более мелко, его я не разглядел вовсе. А вот второе начиналось с «то». Тэ и о.

Когда начштаба вошел, капитан сел, закрыл книжку – закладкой у него был листик папиросной бумаги, он никогда

не откладывая его в сторону, аккуратно переставляя по мере чтения, – и положил ее на стол, названьем вниз.

– Мала-ахов, – протяжно повторяет орк. – Ыгу. Ну а я – Грым Аррым, полутысячник первейшей злобности среди прочих орков Темного Владыки орды Шакля... ну и шпион Светлых.

– Так ты что, – спрашиваю, – и в самом деле орк?

– Наполовину, – скалится Грым. – Рожей в мамашу вышел... или в деда ейного, если старый Каер не брешет. А вот этим – по лбу себя постучал – в папашу.

– С отцом, значит, – уточняю, – ни малейшего сходства?

– А этого, – криво ухмыляется орк, – родительница моя не помнила. Больно недолгая у них семейная жизнь вышла – с утра и до ужина. Говорила – на вкус был не очень, мослы да жилы...

И ржет.

Не то, чтобы я ему поверил – как-никак сам разведчик, ужасы всякие, если что, понарасказать сумею. Как однажды в рукопашной одной левой десять эсэс уложил, а правой – так вообще дюжину... и потом двадцать пять овчарок загрыз, штыком трофейным броневик насмерть заколол, а плевком «Юнкерс» сшиб. Поверить не поверил, но расспросы решил свернуть.

Достал из кузова канистру с водой, костер залил.

– Вот что, – говорю, – давай-ка выбираться. А то, небось, Старший Повар Лашиус по тебе уже соскучился.

Грым Аррым хрюкнул, кивнул, карту обратно упихал, меч из земли выдернул и ка-ак прыгнул – только сапоги в воздухе мелькнули. Ловко... миг назад стоял рядом – и вот уже с переднего сиденья клыками сверкает. Обратное сальто с переворотом – так, что ли, этот акробатический трюк именуется?

Ну я прыгать не стал – все равно не умею! – обошел машину, сел, завел, фары включил...

– И еще, – неожиданно говорит орк, причем, что занятно, без всякой шепелявости. – Восемь ночей назад ко двору Темного Владыки прибыл некий маг... из столицы. Никому о нем толком ничего не ведомо... кроме того, что интересуется он принцессой Дарсоланой... и тобой, Сергей Малахов. Очень настойчиво интересуется.

Я уже ехать собрался, но после этих слов по спине отчего-то так явственно холодком повеяло. По спине – и под сердцем. Чертовски неприятное, доложу я вам, ощущение.

Холодило, пока автомат на колени не положил. С «ППШ» сразу лучше стало.

Но окончательно отпустило уже в замке.

Глава 3

Мы выехали на рассвете. Мы – это Ариниус, тот дедок в мантии типа халат засаленный, что сидел на совещании справа от принцессы, я и Она. Ее высочество принцесса Дар-солана.

Впрочем, сейчас ее вряд ли кто за принцессу мог бы счесть. Принцесса – это свита, стража, алый, словно боевое знамя, плащ и непременно – Эскаландер, Сиятельный Меч, который, как всем и каждому известно, ножен не терпит, а катается всенепременно в обнаженном виде на боку венцenesно... тьфу, в общем, коня ее высочества и в таком виде прожектором подрабатывает.

Очень может быть, что ножен эта железяка и впрямь терпеть не может, но вот пеленание всякими тряпками да кожаными лоскутами Сиятельный Меч перенес вполне спокойно. Равно как и тот факт, что ехать ему придется на моем коне, потому как если прочий скарб рыцарь, которого я из себя строить буду, еще может оруженосцу доверить, то свой верный меч – ни в жизнь! Хорошая, в общем-то, традиция, правильная – я, к примеру, без автомата ну-у очень неуютно себя чувствовал.

Маскировка...

Сначала я просто не поверил. Какая, к лешему, маскировка, если принцесса одним своим присутствием облака раз-

гоняет. Не всякие, понятное дело, а ту мглу, что супостат из-за линии фронта насылает... так ведь здесь, в прифронтовой полосе, других облаков и не бывает. Конечно, народ солнышком радовать – дело хорошее, не спорю, но и обнаруживается эта природно-магическая аномалия на раз. Как говаривал Коля Аваров: «Всего-то делов» – взлетел да глянул, где разрыв в облачности зияет.

Выяснилось, не один я такой умный – маги придворные тоже иногда не зря икорку на хлеб намазывают... ну или какой здешний деликатес высшей категории. Хитры ребятки... впрочем, есть у меня подозрение, что товарищ Ариниус в этом деле тоже отметился, причем вовсе не на скамье запасных балахон свой просиживал.

Говоря в общем, выколдовали придворные маги двойника принцессы и все мало-мальски демаскирующие фамилно-магические свойства сумели на него перевести. Так что для всех непосвященных ее высочество по-прежнему в замке квартирует. А что народу редко является – так на то она и принцесса.

Здорово они, в общем, выдумали с этим двойником. Я еще подумал – поднять бы эту идею с индивидуального уровня на стратегический. Не принцессу копировать, а, скажем, танковую бригаду! Такому бы фокусу в современной дезинформационной войне цены бы не было. Фокус-покус... следите за руками, господа генералы, угадывайте, где тут настоящие части для удара сосредоточиваются, а где миражи с ил-

люзиями в пополаме.

Размечтался...

Ладно.

Зато вот фигурка в сером дорожном плаще на принцессу ну никак не тянет – это ж каждому понятно. Мальчишка-оруженосец при господине рыцаре... дело привычное и, как говорится, неча... то есть, нечего к нему особ королевской крови приплетать.

Сначала я предлагал еще проще поступить – на Аризоне поехать. Пусть всякие там встречные-поперечные на самобеглую коляску во все глаза заглядываются. Это ж к лучшему – «додж» запомнят, меня за рулем запомнят – а вот на парочку местных в кузове внимания бы уже не хватило. Хорошая ведь идея, правда?

Вот только цель нашего путешествия, славный эльфийский город Рокфордейл, находился, как выяснилось, в дремучем лесу, самой что ни на есть буреломной чащобе. И пригодных для движения транспорта дорог к нему нет и не предвидится. Ну а вековые стволы на манер спичек ломать Аризона не умеет. По крайней мере пока.

Так что пришлось мне временно род войск сменить. Был моторизованная разведка, а стал кавалерия. Мы, красные кавалеристы... и так далее. В детстве, помню, первой забавой у мальчишек было: палку вместо верного коня, саблю-хворостину наголо и вперед, белогвардейскому репейнику головы рубать. Ну а кому отец, совсем как у Гайдара, деревянную

шашку выстругает – меньше, как за Чапаева, и не считается. Потом, конечно, довелось и в настоящем седле побывать, но... не мое это, так считаю и основания к тому счету имею. Больно уж сложная и капризная штука – лошадь. Это деревенским нашим хорошо, они-то этих коняк и прочих кобыл на водопой с детства гоняют... а я лучше лишний разок в моторе поковыряюсь.

Хотя коня мне выделили отличного. Вороной красавец... норовист, правда, для такого джигита доморощенного, как я. Ну да ничего. Я все-таки не какой-то там фрукт с горы, а старший сержант Красной Армии – бойцами командовал, с одним конем управиться сумею... и без всяких как-нибудь.

Что забавно – имени у жеребчика моего не сыскалось. Вернее, было оно, да мне его не сказали. Обычай здешний – новый всадник новое имя дает... а особый, при конюшне состоящий маг тут же на это имя персональный конский свисточек заклинает. Пришлось выдумывать. И, поскольку один конь – который железный и на колесах – у меня уже наличествовал, я решил традицию не нарушать и нарек вороного Техасом. А что? Мне понравилось, ему, похоже, тоже.

Впрочем, конь – это еще цветочки, а вот то, что они мне в поклажу королевскую железяку навязали... Техас, он ведь всего одну лошадиную силу развивает, ну и соответственно, аризоновские три четверти тонны на него не навьючить при всем желании. А у меня патроны, гранаты... мы в хороший поиск меньше трех сотен патронов не брали, а тут вообще

рейд неизвестной продолжительности вытанцовывается.

Сунулся было к магу – он на меня так глянул, что вмиг просить чего-то там расхотелось. Разве что: «не делайте из меня лягушку, дядя колдун, я вам еще таким пригожусь».

А ведь по-хорошему, взять выучную лошадь, а еще лучше, трех – и хоть миномет с собой тащи.

По-хорошему... по-хорошему мне бы эту последнюю ночь в безраздельное пользование. То есть не мне, а нам... с рыжей. За пару часов что успеешь? Сто двадцать минут, – с одной стороны, оно вроде как и много, а с другой – до отворачивания мало. Вот и вышло – скомканно, второпях... даже объясниться толком не вышло.

Рыжая как услышала, что меня в сопровождающие принцессе назначили, – враз стала темнее тучи грозовой. Словно... ну не знаю... словно меня уже исполняющим обязанности принца назначили. Консортом или как он там?

Я уж к ней и так и сяк – бесполезно. Если Карален Лико себе в рыжую свою головку что-нибудь вбила, то обратно выбить – калибром не меньше корпусного.

– Она – принцесса...

– Принцесса, ну и что? – спрашиваю. – Между прочим, ты мне с первого взгляда приглянулась. В отличие от...

Ну, это я, положим, слегка загнул. У меня тогда другая проблема была – как эту рыжую кошку скрутить и самому при этом с целой шкурой остаться. Тут уж не до красот.

Только комплимент мой, похоже, даром пропал. И вооб-

ще, какое-то странное действие произвел.

– Но она же – принцесса!

– Да хоть государыня-императрица, – говорю. – Я же про другое.

Вот так вот...

А с ребятами своими из очень отдельной разведывательной ее высочества роты и вовсе не успел увидаться... ну да и навряд ли позволили бы. Секретность – она тетка серьезная, ее, говорят, блюсти нужно...

Ладно.

Выехали мы на рассвете, а первый привал устроили в полдень.

Думаю, еще минут пять – и я бы из седла без всякой команды вывалился. А так – сполз тихонько... и даже сумел два шага сделать, чтобы не на придорожную пыль рухнуть, а под дубом, в прохладу тенистую.

Хороших нам коней дали. Выносливых.

Только вот, соображаю, если Ариниус и дальше тот же темп движения выдерживать собрался, то к вечеру сгложусь я разве что на цирковой номер в стиле угнетаемых британским империализмом товарищей индийских йогов. В смысле: смогу голым задом на гвозди садиться или, к примеру, на сковородку. А еще – художественно подвывать.

Можно, конечно, еще попытаться часть пути бежать... ну, к примеру, за конский хвост уцепившись?

– Здесь я с вами расстанусь.

Я в первый момент даже не понял, что маг сказал, – очень занят был. Травинку рассматривал, по которой муравей полз. Рыжий такой мураш, здоровый... чем-то он мне Ваньку-Синицу напомнил, то есть сержанта Синичкина.

– В замке говорилось иное.

Я кое-как на бок перекатился. Сказать мне особо нечего было, а вот посмотреть, чего другие скажут, хотелось.

– В замке... – судя по тону и выражению лица, с которым Ариниус это произнес, мнение у мага о замках крайне невысокое. Равно как и о жителях данной фортификационной структуры. – В замке я принужден был говорить, что хотели услышать ваши, принцесса, верные слуги. Хотели же они услышать, что буду я неусыпно находиться подле вас, дабы мог в любой миг магией своей охранить.

Принужден он был, видите ли... ага, три раза. Я-то хорошо помню, как товарищ маг на совете Круглого Стола выступал. Такого к чему-нибудь принудить – проще застрелить и самому сделать.

– Каков же твой *настоящий* план, Ариниус?

– Нам... – Маг замолк ненадолго, губами пожевал... точь-в-точь, как мой Техас... – Нам опасно ехать вместе. Ваши придворные маги сумели неплохо скрыть вас, принцесса, но проделать то же со мной им не по силам...

– ...а ты, Ариниус, известен куда больше, чем юная принцесса из маленького приграничного королевства. Право же, достойно удивления, что об этом никто не подумал...

– Видимо, – хмыкает маг, – они решили, что великий я способен решить эту проблему без их помощи. Увы, я маг, а не бог.

– Великий маг.

– Самые великие маги, принцесса, могут лишь пытаться обмануть законы, установленные богами.

– Так обманывай.

Я так и не понял, всерьез Дарсолана это сказала, или это у принцессы юмор такой. В голосе и тени смешинки не было... хотя...

– Не все так просто, как хотелось бы нам того, принцесса. Призвав магию, дабы скрыться от одних глаз, я поневоле зажгу сигнальный огонь для глаз иных.

Может, показалось, но на миг у принцессы в глазах скользнуло... ну, словно у школьника, которому по десятому разу одно и то же повторяют.

– Что же ты предлагаешь?

– Разделиться. Магия не сумеет укрыть меня от *всех* взоров, но зато она может провести там, куда не глядят чужие глаза.

– И как же тогда мы попадем в Рокфордейл? Эльфы, как тебе превосходно ведомо, не жалуют незваных гостей... да и званых не очень-то привечают.

– Вам... помогут.

Насчет «помогут» волшебник с таким видом изрек, словно подмогу эту из него щипцами тащили, на манер больного

зуба. Причем долго тащили, неумело...

– Вы должны будете добраться до Пастушьей Норы. Это крохотный поселок на самом краю...

– Любезный Ариниус! Я еще не настолько стара, чтобы не помнить карту собственного королевства!

Как по мне, так лучше бы ее высочество товарищу магу договорить позволили. Потому как видел я карты здешней выделки. Ценность некоторые из них представляют, но исключительно художественную, как произведение рисовального искусства. А вот как источник полезной информации... если север с западом не перепутан, считай, повезло.

– ...Великого Леса, – невозмутимо заканчивает маг. – В нем три дюжины домов и всего лишь один трактир, которым владеет человек по имени Укроп. Укроп Косик. Он-то вам и нужен.

Сказал и развернулся. Я лежу, продолжения жду, а волшебник спокойно так подошел к коню, взялся за луку... даже ногу в стремя успел поставить, прежде чем до меня дошло, что продолжения-то и не предвидится.

– Зачем?

Маг замер. Так, словно я не вопрос задал, а выстрелил ему в спину, причем не один раз, а минимум пол-обоймы разрядил.

– Что значит «зачем»?

– То и значит, – говорю. – Зачем нам добираться до Пастушьей Конуры и разыскивать в ней трактир этого... Щаве-

ля Крапивыча?

– Укроп. Хозяина трактира зовут Укроп Косик.

– Да хоть Сельдерей Пастернакович! Зачем он нам сдался?

– Он, – с устало-поучительным видом изрекает волшебник, – скажет. Когда придет нужное время. А время придет, когда вы доберетесь до Пастушьей Норы. Надеюсь, – осведомляется он, – теперь-то уж всем все стало ясно?

Не скажу за принцессу, но лично мне ясно стало ровным счетом ничего.

Только вслух я об этом не сказал. Зачем? У Ариниуса свое мнение есть – вот пусть он его и дальше ест, имеет и прочие действия совершает. А переубеждать его – лучше я с «ПТР» против «тигра» выйду, там хоть какие-то шансы маячат...

Пусть лучше мудрый волшебник попросится, помашет нам ручкой и, как говорил лейтенант Палиев, отчалит в далекие края. Ну а мы уж тут как-нибудь без него... решим, что дальше и куда.

Лично я был настроен хватать ее высочество под белые ручки и тащить обратно в замок. Задание, оно, конечно, задание, но колья уж такая бледнота пошла...

Может, волшебник даже и в чем-то прав – допускаю. Даже – что прав он кругом, а также лесом и квадратом. Был, помню, случай: пытались мы через участок соседа слева – в смысле, соседней дивизии – пройти, больно уж наши собственные фрицы пуганые стали. Так ихний начразведотдела

битый час над схемой передовой соловьем разливался. Что да как, где и почему, тут пригнетесь, здесь проползете – чуть ли не каждый шаг вы-пла-ни-ро-вал. Но только вышли мы из его землянки, как лейтенант из тамошней разведроты – который и должен был наш переход непосредственно обеспечивать – обернулся, глянул зло, сплюнул и вполголоса так: «Слышали, чего наговорил? Так вот – забудьте к чертям! Поидете вы не там и так!».

Это вариант раз. А два – пришел к нам как-то с очередным пополнением рядовой Курочкин. Вроде бы боец как боец, на занятиях держался хорошо – звезд с неба не хватал, но осваивался уверенно. Только вот в первом же выходе взял, да и резанул по группе фрицев, которые мимо засады шли. С какого дуба, что ему в голову стукнуло... ну пятерых он этой очередью положил... семерых, если повезло. Ну и сам лег – это ему тоже, считай, повезло, потому что за дело проваленное, троих убитых и двух раненых... ох, спросили бы с него. Отдельно – за старшину Веснушкина... три ордена, пять медалей, «языков» из-под земли доставал... детей двое... в Куйбышеве... столько раз он под смертью ходил, а погиб – из-за дурака!

После рядового Курочкина и не люблю я таких вот, *самоумных*. Которые ни с того ни с чего начинают вдруг не предусмотренные планом телодвижения выделять. Одно дело, когда противник, как говорит старший лейтенант Светлов, импровизировать вынуждает, – враг, он на то и враг, чтобы

по своим планам воевать, а не по нашим. Но когда свои начинают палки в колеса ставить...

Что-то Ариниус, наверное, заподозрил – очень уж внимательно он мной любовался. Не думаю, что старший сержант в мятом камзоле поверх гимнастерки такое высокохудожественное зрелище, чтобы своим видом волшебника заинтересовать. И уж тем более – несколько минут взглядом буравить.

– Пастушья Нора, – медленно так повторил, веско, старательно каждую букву выговаривая. – Трактир. Укроп Косик.

– Ага, – киваю. – Укроп. В трактире. Укроп Косик. Запомнил. Теперь сто лет помнить буду и уж точно ни с каким Чесноком не перепутаю.

Кажется, Ариниус мне что-то сказать собирался. Или жабу взглядом обратить – ребята в замке уверяли, с товарищей колдунов иногда и такое станется, даже с тех, кто добрыми себя кличут. Но – то ли вспомнил волшебник наш, под чьими знаменами он на учете состоит, то ли не вышло из меня жабы... одним словом, пустил он белогривку свою с места в карьер, и меньше чем через минуту осталась от мага нашего только пыль над дорогой.

Ну а я на спину отвалился. Лежу, дерево над собой изучаю... благо дуб развесистый, есть на что посмотреть. И, само собой, краем глаза на принцессу посматриваю. Ее светлое высочество Дарсолану.

– Сергей.

– Да, ваше высочество?

– Не обращай ко мне «ваше высочество».

Та-ак...

Я сел.

– А как, – спрашиваю, – принцесса, прикажете вас в дальнейшем именовать?

– Именовать по имени, – с легкой улыбкой отвечает она. – Дарсолана. А лучше – Дара.

«Дара...»

Наверное, у меня в этот миг все мысли аршинными буквами на физиономии пропечатались. А может, и нет – может, она заранее все просчитала и сейчас, глядя на рожу мою, удивленно-вытянутую, произведенным эффектом наслаждалась.

– Что, плохое имя?

– Нет, – говорю, – почему плохое? Наоборот, как раз очень даже хорошее.

– Я и думала, что тебе понравится. Ты ведь дочь барона Лико Карой зовешь?

Угу. Зову. Хотя этот чертенок рыжий чаще сама приходит. Когда нужно... и когда вроде бы не нужно, хотя на самом деле все равно нужно.

– А знаешь, Сергей, – так и не дождавшись от меня ответа, говорит принцесса, – почему я именно тебя в спутники избрала?

Хороший вопрос. Положим, кое-какие мыслишки у меня

на сей счет водились, но совсем кое-какие – к рапорту не подошьешь.

– Представления не имею.

– Совсем-совсем?

– Совсем. Теряюсь, ваше вы... то есть Дара, в догадках.

– А ведь на самом деле все просто, Сергей. Ты – Великий Воин Из-за Края Мира, Победитель Дракона, Убийца Черного Мага, Возвращатель Короны...

– Как-как?

– А ты не знал? Для тебя особый титул ввести хотели. Сергей... ты герой, но героев в замке много, и за каждым плеяда славных подвигов, как хвост за лисицей.

Слово «плеяда» я не знал, но смысл понял и без него.

– И чем же, – спрашиваю, – именно я исключителен оказался?

– Вашей любовью. Твоей и Карален Лико. Ты нашел свою любовь, Воин Из-за Края Мира, и она поглотила тебя всего, без остатка. А значит, Сергей, ты не сможешь полюбить меня... а я никогда не захочу встать между вами.

Оригинальный способ отбора напарника на боевое задание, думаю, ну оч-чень оригинальный.

– Боишься принца не дождаться?

Сказал зло и резко – и почти сразу же понял, что глупость сморозил.

Дара – словно кто-то лампочку выключил – *вмиг погасла*. Ни улыбки, ни искорки в глазах...

– Нет, Сергей, – тихо так отзывается. – Я боюсь совсем другого. На мне проклятье... и тот, кого я назову своим... он должен будет умереть за меня!

Ну и бред, думаю. Это ж надо было так девчонке голову задурить! Здесь пророчество, там проклятье – ох уж мне эта феодально-магическая братия. Инквизиции на них нет, чес-слово.

Ладно. Путь нам вместе неблизкий и, соответственно, нескорый, так что время для разъяснительной и агитационной работы будет. Слова бы найти.

* * *

Удачно нам эта деревенька подвернулась, ничего не скажешь. Вообще-то в приграничье мало кто селится. Земли хорошей много, да только что на ней вырастишь, когда небо круглый год тучами затянуто? Картошку разве что... так ведь нет у здешних этой полезной овощекультуры. То ли среди Дариных предков своего Петра Первого не нашлось, а может, местный Колумб до Америки не доплыл. Ну и, конечно, близость линии фронта тоже кое-какие мысли навеивает – если из мест подальше хоть какой-то шанс на благополучную эвакуацию маячит, то здесь и «мама дорогая» сказать едва успеешь.

А тут – деревня, и немаленькая, домов на полсотни. Плюс сараи всякие с амбарами, ближе к центру – храм каменный.

И ограда тоже хорошая – земляной вал с частоколом. Хорошая, понятное дело, по здешним меркам – любая полковушка эту ограду живо на бревна и щепки разберет, а то и во все... благо холмик, с которого мы с Дарсоланой на эту деревеньку любовались, есть не что иное, как господствующая высота: ставь на прямую наводку – и клади снаряд в любое окошко, на выбор.

Это я по привычке просчитал – и еще: что вышки для лучников по-дурацки расположены. Вроде бы сектора обстрела и приличные, да только ворота с вышек этих толком не фланкировать, а вот охватить их с трех сторон и выбить массивированным – запросто! Видел я, как здешние робингуды по шкуре навесным тренируются: лежала обычная коровья, а стала – ежика гигантского. Так что с таких вышек только за стадом деревенским на лугу следить хорошо...

Впрочем, для нас с принцессой эти измышления, в общем, маловажны были. Вышки-домишки, церквушка. Важным другое было: есть ли в деревне кузнец? То есть можно было бы и без него пытаться обойтись, но с кузнецом – надежнее.

Нам был нужен фургон.

Нужен он нам был, чтобы избавиться от демаскирующего признака – а именно бравого старшего сержанта верхом на боевом коне. Очень уж это, как выяснилось, неортодоксальное для аборигенов зрелище. Они-то почти все к седлу с малых лет приучены. А уж рыцари – те, как я понял, и вовсе

наших цирковых джигитов кое-чему поучить могут.

Я же... Дара, как девушка и принцесса, до эпитетов не снизошла, но картину я понял: пугало огородное, если его к луке прикрутить, и то естественней смотреться будет. При том, что Техас мой не какая-нибудь кляча, а первоклассный жеребец редкой и очень ценной в королевстве породы...

Кузнец в деревне наличествовал. Звали его Йохи – имя, как меня Дара по дороге от ворот пояснила, для здешних мест нетипичное. И выглядел он... нетипично. Колоритный такой товарищ, лапы мышцами бугрятся и рожа тоже... бугрится. Я так думаю, в родне у него не без гномов было... а то и не без троллей, если габариты оценить. А тролль – это, доложу вам, сурово. Мне с одним повстречаться довелось – четыре метра росту, больше всего на ходячий валун похож был, особенно по части пулепробиваемости. Вернее, пуле-не-пробиваемости – по крайней мере, очередь из «ППШ» в голое пузо перенес стойко, да трехлинейка его не сразу взяла. Правда, как мне потом разъяснили, это не обычный тролль был, а горный. Обычные же, лесные, и ростом поменьше и шкурой похлипче – зато и сообразительней своих скалистых родичей.

Сообразительней, да...

– Значицца, гришь, коня на фургон меняешь?

Меняю. Нам, само собой разумеется, и командировочные-проездные выдали, есть чем в карманах позвенеть. Но в данном конкретном случае еще и второй интерес имеется:

Техаса в фургон впрягать – это вроде как «опель-адмиралу» сорокапятку на буксир цеплять. Технически можно, но на деле зверски неэффективно.

Я на Дару оглянулся – а их высочество отвернулись: забор соседний осмотреть.

Она бы, конечно, все эти переговоры на раз-два провела. Но – опять-таки демаскировка.

– Дядя, – вздыхаю, – знаешь, завел бы ты себе хар-рошую привычку – уши мыть. Я ж тебе уже трижды повторил: меняю этого коня на фургон и двух ваших жеребчиков. Что сложного-то?

– Коня значицца, – чешет затылок кузнец. – Вот этого?

– Ага, – киваю. – Этого самого. Который вороной.

– Вороной гришь...

– Можешь ощупать на предмет покраски, – предлагаю. –

Если, конечно, подойти не боишься.

На самом деле Техас у меня коняга смирный, посторонних почему зря не пинает – иначе как бы я сам на него взгромоздился? Но кузнец-то об этом факте не осведомлен.

– Фургон, значицца, и два коня в придачу...

Нет, думаю, все, хватит с меня. Еще одно это его «значицца» – я, не сходя с места, спать расположусь. Благо, справа в двух шагах у забора охапка соломы свалена.

– Вот что, – говорю, – дядя. Времени у меня не так чтобы очень... а село у вас большое и с виду не бедное. Думаю, если поискать, в нем не только твой фургон отыщется. В крайнем

случае, – добавляю, – я и телегой обойдусь.

Кузнец только фыркнул.

– Во, – говорит, – вы, замковые, всегда торопитесь. А куда? Зачем? Сами, небось, не ведаете.

Я тоже усмехнулся. Ловко... был, значит, весь из себя туповатый и вдруг философствовать напропалую пошел.

Дяревня, одно слово. Знал бы этот Йохи, на скольких таких деревенских я за последние три года насмотрелся...

По части житейской сообразительности они, конечно, городских превосходят. Да и по физподготовке, в основном, тоже, хотя и мы свои значки ГТО не за красивые глаза получали. А вот с кругозором...

Крестьяне, особенно из пожилых, тех, что Гражданскую помнят, первые, доколхозные еще годы, – а кое-кто – так и вовсе царя-батюшку, – за жизнь свою нелегкую привыкли далеко вперед не заглядывать. Вредно, мол, это, да и ни к чему. С нынешними делами бы управиться: птицу покормить, скотину напоить, а чего завтра или третьего дня будет – это уж как боженька решит.

И привычка эта – до хрипоты, до пота седьмого торговаться – оттуда же. Лопну, но здесь и сейчас цену на копейку собью, а то и на все три – ежли городской слабину даст.

– Ты, дядя, – говорю, – за меня не беспокойся и по ночам не переживай, спи спокойно. Торопимся мы туда, куда нужно.

– Это куда ж?

О! Что еще в деревенских весьма хар-актерного – любопытство. Оно у них совершенно безграничное, прямо детское. В сочетании с цепкой памятью к очень интересным эффектам порой приводит.

– Дядя, – веско так повторяю, – *уши – мой!* Они после данной процедуры не в пример лучше звуки улавливают. Сказано ж уже было: «куда нужно»! Или ты о таком населенном пункте и ведать не ведаешь?

– И я ж о том, – кивает кузнец, – торопитесь, а куды и сами не ведаете. Было б чего стоящее, небось, сказали б. Про хорошее, доброе дело чего ж не сказать. А так... «куды надо». А может, оно и не надо никому вовсе.

– Не-ет, Йохи, надо! Очень многим надо, а некоторым так и просто невтерпеж!

– Это ж кто решил, что оно – «надо»?

– Умные люди, кузнец, решили, умные. Ну и мудрые тоже в стороне не стояли.

– А-а... – поскущел кузнец. – Люди. Люди много чего нарешать могут... хлупостей всяческих. Вот ежели б эльфы чего решили...

Что за леший, почти с обидой думаю, и он туда же – про эльфов. Дались местным эти одиннадцатые...

– Ну да, – говорю. – А если б еще и тебя спросить не забыли, так и вовсе б настала полная благодать и гармония. Так что ли?

– Не исключено.

У меня аж плечо зачесалось – за неимением на этом плече автоматного ремня. Автомат или, скажем, карабин в таких вот беседах – очень полезная штука: похлопать по нему можно, затвором тихонько пощелкать.

Помню, Толя Опанасенко в таких вот беседах любил свой «дегтярев» из руки в руку перекидывать. Протянет свое удивленное: «Та шо ты говоришь?» – и махнет при этом... сошками... в непосредственной близости от носа рассказчика. Обычно после двух-трех переключиваний народ, что к чему, соображал: и либо исчезал в голубом тумане, либо сказки сказывать начинал на полтона ниже.

Кузнец на меня тем временем еще раз покосился, прищурился.

– Парень... а ты, случаем, не из этих будешь... не красмер?

Красмер – это местные полиглоты так над словом «красноармеец» поиздевались.

– Из этих, – говорю, – а что?

«А то, – сам же себе мысленно отвечаю, – что плакала моя маскировка горючими крокодильими слезами. Грош ей, выходит, цена – да и то в базарный день, в обычный и того не дадут».

– А ничего, – хмыкает кузнец. – Сказал бы сразу – мол, красмер я, фургон нужен! А то, понимаешь, торги тут устроил... нешто мы орки какие! Коня менять затеял... да за такого коня обоз выменять можно!

Я аж опешил маленько.

– Обоз, – уточняю на всякий случай, – мне сейчас без надобности. А вот фургон нужен. Один фургон. Но с двумя конями.

– Сделаем! – Йохи отвернулся и как заорет: «Мари-и-ид!»

На этот окрик из-за угла кузни выскочил белобрысый паренек в таком же кожаном фартуке, как у Йохи, – и, увидев его, я отступил на шаг... а по спине холодом повеяло.

Потому что паренек этот был как две капли воды похож на Михеля Нелле.

Тот, Михель, правда, был не кузнецом, а механиком. Унтер-чего-то-там-мейстер. Однажды вечером он решил срезать дорогу, пройдя по лесной тропинке – не зная, что тропинка эта глянулась не только ему, но и русским разведчикам. И попал к нам.

Он старался быть хорошим «языком», говорил много, охотно и при этом – судя по тому, что мы знали и так, – почти не врал. Он старался – но самого главного, того, за чем нас и послали, он сказать не мог, он не знал. А значит, мы не могли вернуться, мы должны были идти дальше... ну а он...

Не знаю, почему лейтенант приказал сделать это именно мне. Вряд ли это было проверкой... хотя кто знает? У лейтенанта не спросить – месяц спустя он стал старшим лейтенантом... посмертно.

Наверное, было бы много проще и легче, зайти я со спины – типичнейшая, как говорил старшина Раткевич, задача

по снятию часового. Главное – твердо знать, куда бить, ведь сердце человека – не такая уж большая штука, как иногда кажется.

Я не знаю, как звали первого убитого мной немца – серую фигурку, перечеркнутую мушкой. Я не помню толком свою первую рукопашную – только хрип, дикий вскрик, лязг металла о металл и короткую, в упор, очередь. Очередь, после которой душивший меня немец обмяк, напоследок рассадив мне бровь острым краем каски.

Я даже забыл, как звали первого убитого мною в «поиске»... задремавшего пулеметчика, забыл, хотя сам же забирал его солдатскую книжку.

А вот Михеля Нелле – запомнил.

Неужели все дело в том, что у него были связаны руки? Или в этой его дурацкой фразе: «Я давно хотел сдаться в плен, я знаю – русские не убивают пленных, если они не из СС»?

Ладно.

Насчет фургона Йохи расстарался на совесть. Не дворец, но вполне себе уютный домик на колесах – доски подогнаны одна к одной, сверху двойной тент брезентовый... в смысле, здешнего брезента, заговоренного. Даже печурка имеется. Как по мне – совершенно роскошное средство перемещения, какому-нибудь фрицевскому Опель-блицу запросто фору даст.

И все это – считай, за красивые глаза. Потому как коня

в уплату борода брать не желал со страшной силой. Я себе мозоль на языке натер, пока его уболтать пытался... в итоге сошлись на том, что полгода он Техаса у себя подержит, а если я за это время не вернусь, сведет его в замок.

Есть у меня, правда, подозрение, что будет мой красавец вороной все эти полгода в конюшне стоять да отборным ячменем хрумкать... вместо полезной сельскохозяйственной деятельности.

Ну да...

– Сворачивай!

Меня от этого окрика будто пружиной подбросило. Бросил поводья, автомат из сена выдернул и кувыркнулся в кювет. Ну, в смысле, туда, где у приличных дорог кювет, а у здешних – куча листьев прошлогодних. Перекатился, вскочил...

Никого. Фургон еще пару шагов прокатился и стал – то ли Дара спохватилась, то ли коняшки нам редкостно умные попались.

Кстати о принцессах...

– Сергей, – глаза у Дары на манер совиных сделались на пол-лица, – ты что?

– Я-то ничего. А ты что?

– Я?!

– Ну не я же. Чего кричала?

– Я не кричала.

– Не кричала?! А кто у меня под самым ухом завизжал?

– И вовсе я не визжала! – с таким вот видом оскорбленной невинности, наверное, только принцессы изъясняться умеют. Еще одно фамильное умение... а может, и учат их этому.

– Я сначала тихо сказала, а ты сидишь, как тролль окаменевший...

Та-ак, думаю, то ли мне самому пора пришла уши с мылом драить, то ли где...

– Ладно, – говорю, – замнем для ясности. Куда сворачивать-то?

– На поляну.

Глянул – и в самом деле, справа от дороги просвет и виднеется в нем небольшая такая, но очень симпатичная полянка.

– Допустим. А зачем нам туда сворачивать?

– Сергей, – удивленно так тянет Дара. – Ты уже забыл все, что мы с тобой придумали?

Тут уж моя очередь удивляться настала.

– Ну вообще-то, – говорю, – на провалы в памяти до сегодняшнего дня не жаловался. И разговор наш помню. А вот при чем к нему поляна, в толк взять не могу.

Говорю и чувствую – ох и выдаст принцесса мне сейчас чего-то донельзя очевидное... так что буду стоять на манер чурбана и моргалами хлопать.

– Но, – хмурится Дарсолана, – это же очевидно. Если мы хотим выдать себя за странствующих актеров, то фургон надо раскрасить.

Ну! Что я говорил!

Камуфляж – он и у Роммеля в Африке камуфляж, только, понятное дело, специфический пустынный. Соответственно, коль мы с Дарой решили под здешних цирковых менестрелей маскироваться, то и окраска нашего транспортного средства обязана быть ихней штатной.

Ладно.

Раскрашивать Дарсолана мне не позволила – ну, я в общем-то и не особо рвался. Имеется печальный опыт. Не такой грустный, как, скажем, у товарища О. Бендера, но старшая пионервожатая впечатлениями от моих художественных талантов делилась на совете дружины долго и, как говорит старший лейтенант Светлов, экспансивно. Нет, вру: экспансивно – это когда пуля разрывная, а то словечко, которым товарищ старший лейтенант щеголяет, – экспрессивно.

С тех вот пор я в художники и не рвусь. Другое дело – валяжник для костра собрать. Тут все просто и понятно, никаких тебе пропорций с перспективой.

Насобирали охапку, дотащил, вывалил, поворачиваюсь... и, что называется, замираю в глубоком ошеломлении.

– Ну как?

Я фургон обошел, посмотрел на вторую сторону... еще больше впечатлился...

– Слушай, – говорю, – это что, магия такая?

– При чем здесь магия? – удивляется Дара.

– Ну-у... у тебя ведь и красок не было.

– Как и фургона. Я, – ехидно заявляет принцесса, – тоже в деревне времени зря не теряла.

Хотел было я спросить, у кого это в деревушке можно красками разжиться, и передумал.

– Сергей... – Забавно, первый раз у принцессы *настолько* неуверенный голосок. – А что ты про рисунок скажешь? Я старалась, но уже темнеет...

– А что тут, – пожимаю плечами, – говорить? Шедевр, однако. Выполненный мастерской рукой. Таковую картину не на фургон натягивать – на стену в личных покоях вешать вместо гобелена.

– Ты... ты вправду так думаешь?

– Ваше высочество, – почти обиженно говорю. – Мы ведь не в замке королевском, да и толпы слуг в округе тоже не видать. А значит, кроме как на себя самих, рассчитывать не на кого. И нарисуй ты ерунду какую-нибудь, мигом бы переделывать заставил. Ферштейн?

В ответ Дара ко мне подскочила, чмокнула в щеку... звонко... и в фургоне скрылась. Стою, глазами хлопаю... чес-слово, ответь она мне по-немецки, ну хотя бы «их вайс ниخت» или там «Гитлер капут», – меньше бы удивился.

Ладно.

Хотя, думаю, нет, не ладно. Такие вот странности поведения напарника в голове надо прокачивать, в непременно порядке. Чтоб точно знать, чем откликнется, когда аукнется.

Я и задумался. Долго... минут на десять, котелок над ко-

стром уже парить весело так начал. А когда прокачал нако-
нец, почти обиделся – так все просто.

– Ваше высочество, скажи-ка... ты ведь, – говорю, – ри-
совать любишь? Так?

По-моему, она смутилась. А может, и нет – мне как раз
шалым ветерком дым в глаза кинуло, так что разглядеть
сумел мало.

– Да. Очень. Но...

– Запрещают?

– Нет. Просто... всегда находятся более важные дела. Как
сказано в одной древней и умной книге: «Властен король над
жизнью всех подданных своих, трудом и праздным време-
нем их. Однако ж и его жизнь с делами королевства сплетена
неразрывно».

– А как же, – спрашиваю, – балы да охота?

– Балы... – тихо повторяет Дара. – Да, на бал во двор-
це мечтают попасть очень многие... кроме тех, в чью честь
его устраивают. Каждый шаг выверен: и чей поклон «благо-
склонно заметить», а чей – нет... все расписано за три неде-
ли вперед. И больше всего боишься споткнуться... Раньше,
в детстве, мне несколько раз удавалось тайком выбраться из
дворца... на праздник Дня Длинного Солнца, в деревню близ
замка. Там... там было очень весело. Я забывала почти обо
всем. Но как-то меня не вовремя хватились... и остались
лишь балы. К счастью, – добавляет она, – принято считать,
что сейчас не лучшее время для балов.

Да уж, думаю, интересная мне принцесса в попутчицы досталась. Нестандартной выделки. Балы ей, значит, не по душе...

– А что, – спрашиваю, – вам, королям, непременно нужно именно балы устраивать? Я вот помню, когда по случаю переезда празднество было, так вполне себе народное гулянье.

Ляпнул и почти сразу язык прикусил, но поздно. Праздник-то в тот раз был, можно даже сказать, почти удался – да вот только по девчужке, что сейчас напротив меня, какая-то нехорошая личность из самострела пальнула.

И Дара об этом вспомнила.

– Того, кто стрелял в меня той ночью, – а личико у нее при этом серое, словно не у костра лежим, – так и не поймали, не нашли.

Насчет «так и не поймали» я не сильно удивился. Там ведь сразу после выстрела такое столпотворение началось – свою бы голову целой сберечь.

– Что, и следов никаких?

– Брошенный арбалет. Из башни, где его нашли, два выхода: на стену – но у той двери стояли двое стражников – и в подземелье.

Тут у меня в голове словно щелкнуло. В тамошнее подземелье мы как раз утром того самого дня за вином поход учинили. Мы – это я, Коля-Рязань, то есть командующий всея замковым ПВО Рязанцев Николай, Карален и ее двоюродная сестра магичка Второго Круга Посвящения Ринелика Пато,

для друзей просто Елика. И в процессе похода приключилась с нами одна непонятность... о которой, как я сейчас запоздало соображаю, очень похоже, что никто доложить так и не удосужился. Ладно я – первый день в замке, плюс его сиятельство герцог комбриг Клименко как раз в тот день на меня снизошел, на манер божьего откровения, а остальные... хотя какие там остальные! Вино-то мы из особого секретного подвального изъяли, полный бочонок почти археологической ценности.

В общем, сделал я себе мысленную зарубку – по возвращении сходить и отрапортовать кому надо. Шутки-шутками, пьянки-пьянками, а...

– Сергей... ты о чем сейчас подумал?

– Да так, – говорю, – мысли всякие.

– У тебя лицо стало будто каменное. Словно... словно ты убивать кого-то собрался.

– Ну вот еще, – усмехаюсь. – Я если и в самом деле кого-нибудь на тот свет переправлять надумаю, то уж чего-чего, а непреклонную суровость на физиономии точно изображать не стану. Разве что для кинохроники запечатлеться попросят. А в бою, знаешь ли, не до того.

– А... ты многих убил? Там, у себя.

Интересный вопросик.

– Не знаю, – честно признаюсь, – не считал.

– А что ты почувствовал, когда убил первого... врага?

Вот ведь настырная.

– Да, в общем-то, ничего, – отвечаю. – Я ведь и не знаю точно, кто у меня первым был.

– Как это? – удивленно переспрашивает Дара.

– Да вот так, – говорю, – получилось.

Первый бой – это ведь первый бой.

У нас в роте уже и раненые были, и убитые – от авиации. Еще на марше «мессеры» два раза колонну атаковали.

Потом, когда окопы вырыли, мимо нас полдня отступающие шли. А мы все смотрели и думали – это ж какая силища на нас прет.

Мы тогда сильно танков боялись. Наслушались о них всяких ужасов. Да и к тому же перед войной о своих танках фильмов насмотрелись – броня крепка и танки наши быстры, так что всякие самураи от них наземь сыпятся, точно яблоки с хорошей ветки. И если теперь немцы так прут, значит, у них танки еще страшнее?

А у нас – ни артиллерии, ни даже «ПТР». Одни гранаты. Да разве можно гранатой немецкий танк остановить?

Танков в тот раз не было. А напоролась на нас, судя по всему, немецкая моторазведка – три мотоциклиста, два бронетранспортера и грузовик. И длился мой первый бой всего-то несколько минут – подбили мы им два мотоцикла из трех и один бронетранспортер. То есть бронетранспортер-то мы даже и не подбили – у него мотор заглох, а немцы с ним возиться не стали, бросили.

Ну а я, я – как все, стрелял и даже не в белый свет, а по

серым фигуркам, и падали они, только разве разберешь – твоя это пуля была или чужая? Я так Дарсолане и сказал.

– А потом?

– А что потом? Потом уже не первый бой был.

Так, чтобы уж совсем уверенно сказать – мои, это разве что через неделю было, когда я у раненого пулеметчика «дегтярев» забрал. Вот тогда уж точно эти серые фигурки от моих очередей наземь валялись, только мне важней были не те пять-семь, которые, скошенные упали, а то, что остальная цепь тоже залегла, а значит, опять атака у фрицев захлебнулась. Пятая за день.

– Сергей, а в первом бою... что было самое главное?

– Главное?

Ну и вопросыки у ее высочества...

– Главное – что врагов можно убивать.

Да. Пожалуй, именно так. Конечно, мы это и так знали, но... когда комроты вызвал добровольцев и я встал... и мы пошли, и увидели вблизи перевернутые мотоциклы... придавленный коляской труп пулеметчика... и другие трупы, в серых, мышастых мундирах, лежащие в такой же серой пыли... это было совсем другое.

А через полчаса начался минометный обстрел, и за несколько минут огневого налета рота потеряла восьмерых убитыми и ранеными. Затем немцы пошли в атаку.

– Малахов?

– Да.

Что-то все-таки в огне завораживающее есть. Вот и сейчас засмотрелся я в этот костер и вроде бы выключился на секунду.

– Расскажи мне... о войне. О вашей войне.

Ох, думаю, высочество, ну и просьбочки у тебя!

– Тебе лет-то сколько? – спрашиваю. – А, ваше высочество?

– Ва-а-первых, Малахов, – надменным таким голосочком говорит принцесса и еще слова нарочно так растягивает, точь-в-точь, как рыжая моя, ненаглядная, когда злится, – спрашивать даму о возрасте – неприлично. А во-вторых, я первая спросила.

– А в-третьих, высочество, лет-то тебе сколько?

Вот интересно, соврет-не соврет?

– Во... Семнадцать.

– Эх ты, – говорю, – высочество.

Ну что ей, спрашивается, рассказать?

О ночных заревах на полнеба? Об облаках, крест-накрест перечеркнутых дымами? О ярко-красном снеге?

Или о бесформенных грудях металла по обочинам дорог?
И о серых колоннах, угрюмо глядящих из-под козырьков?
Или...

Да разве можно это рассказать? Может, уже потом, после войны, кто найдет и слова нужные найдет.

А что мне этой девчонке несмышленной сказать?

– Война как война, – говорю. – Кровь и грязь.

Глава 4

Мы уже почти засыпать начали, когда этот вой раздался.

Хороший такой вой, душевный – вроде бы и далеко, а по спине холодом здорово пробирает.

Ну, я поначалу остроты ситуации не оценил: подтянул автомат поближе и дальше спать приготовился. А принцесса сразу вскочила, словно ее вышибным зарядом подбросило.

– Вставай!

– С чего? – спрашиваю. – Из-за солистов этих серых? Брось... костер же...

Хотя, запоздало соображаю, вовсе и не факт, что здешних волчишек костром остановишь. Это у нас в прифронтовой полосе зверье пуганое донельзя, а местные запевалы знать не знают и ведать не ведают, что за штука такая – ружье, а уж тем более автомат.

Зато вот если кое-какие литературные примеры припомнить: «Дети капитана Гранта» или, скажем, «Робинзона Крузо», – есть у товарища Дефо ближе к финалу одна веселенькая волчье-медвежья сценка...

– Простые волки воют иначе. Это песнь оборотней.

Та-ак...

А ведь, думаю, слышал я похожую арию, – когда мы с трофейной Короной возвращались. И Роки тогда этих оборотней именно что по звуку классифицировал... позеленев при

этом на манер листвы.

И еще кое-что вспомнил из слов орка, Грыма Аррыма: стая Хэлга в количестве пяти сотен... и волкодлаки у них плохо объезжены. Если не фантазировать на тему, что они волков в упряжки запрягают – а это навряд ли, здесь не Аляска, реки Юкон и реки Клондайк на картах не имеется, – то выходит, волчишки у них под седлом ходят. В Травяном Мире я за эту деталь как-то не зацепился, а сейчас, под аккомпанемент завываний... приближающихся. Волк размером с пони или даже с ишака – мысль о близком личном знакомстве как-то мне оптимизма не внушает.

Вскочил, глаза протер.

– Сколько их?

– Не знаю, – напряженно, почти зло шепчет Дарсолана. – Сами по себе оборотни редко сбиваются в стаи. Но мы в приграничье, а Враг иной раз засылает на нашу сторону молодняк из *своих* стай... порезвиться.

Та-ак...

Главное сейчас, думаю, – не паниковать. Как и всегда на войне. Стоит начать дергаться да суетиться – считай все, пиши пропало!

Впрочем, если по виду судить, то ее высочество держится очень даже на уровне. И в панику впадать явно не собирается, равно как и обмороки с истериками закатывать.

– Что ж, – так же шепотом спрашиваю, – вы этих тварей на входе не шлепаете? А то меня Виртис уверял, что маги

ваши даже переборску мыши засечь сумеют.

– Сказать легко, – огрызается Дара, – но у нас слишком мало магов, чтобы гоняться за каждым волкодлаком.

– На меня-то не рычи. Что делать будем?

– Драться!

Ну да. Идея ценна остротой и свежестью, как такие вот «умные» мысли старшина Раткевич комментирует. Оно канешна... чем простым обедо-ужином послужить, лучше для начала подраться попробовать.

– Они на волков хоть похожи?

– Похожи. Только больше... сильнее... быстрее... и убить их можно лишь серебром или огнем.

– А обычным оружием?

– Затянется на глазах.

Вот тебе и раз. И, как назло, не наличествует при мне родного советского ранцевого огнемета. Даже «березина» с его двенадцать запятая, или, как говорил старшина Ушаков, *комма* семь, который не то что волчару – слона одиночным завалит. Всего арсенала – нож, пистолет да «ППШ». Машина хорошая, но против зверюги... полосовать очередями, да ждать, пока сдохнет, – это ж патронов не напасешься.

Имелись, конечно, у меня в рукаве, то есть на самом деле в особых кармашках куртки, козыри – две обоймы к «ТТ». В них-то пули даже не просто серебряные – особого заговора. Причем не здешних придворных магов, а какого-то чуть ли не заграничного спеца, магистра Чева. Товарищ комбриг

Клименко при мне эти патроны на манер бриллиантов доставал: из сейфа, в смысле, из шкафа, который он сейфом кличет... ну да магии там не меньше, чем железа, из шкатулки, из мешочка бархатного, да еще промасленными платочками обернуты в три слоя, каждый патрон ин-ди-ви-дуаль-но.

Только ведь если козыря вот так, в первую же, считай, ночь на стол выкидывать – далеко мы не уедем.

– Ну а если саблей твоей... в смысле, – живо поправляюсь, – Сиятельным Мечом Эскаландером?

– Эскаландер справится с ними шутя. Но... весть, что один из Великих Мечей почуял кровь, разносится далеко.

– Ясно, – киваю, – демаскировка. Отпадает. А что-нибудь менее магически громогласное в арсенале наличествует?

– Вот как раз над этим я и размышляю!

Ну, дело, конечно, нужное.

Я тоже кое-что в голове прокачал – и принялся остатки нашего костерка затапывать.

– Сергей... зачем?

Отвечать я сразу не стал, а сначала дотоптался и уже потом аккуратнo так взял ее высочество за плечико, развернул в нужном направлении, да еще и пальцем ткнул, для верности.

– Видишь?

Вопрос, что называется, риторический – луна здешняя габаритами раза в два больше нашей. И когда она, как этой ночью, полным диском... даже не сияет – наяривает во всю

ивановскую... хоть книжку читай, иголкой вышивай, никаких лампочек не требуется. Благо, и облаков по ночам здесь тоже не предусмотрено – облака днем солнце от людей закрывают, а луна ночная... она не для людей, для *других*.

– Костер, – говорю, – даже если мы в него сено из фургона покидаем, в плане освещения даст не так уж много. А вот засветку глазам он устроит отменную, круг шагов десять – и все, за его пределами шиш чего разглядишь! Спрашивается, зачем он вообще тогда нужен, если в небе такая иллюминация развешана? Свету ведь, – добавляю, – и так хоть вагонами вывози!

Добавлял я, впрочем, уже пустому месту – слушать лекцию до финала ее высочество не пожелала. Правильно, к слову сказать, сделала – а я хорош, нашел время...

Со временем у нас, кстати, не так чтобы очень – вой все ближе.

– Держи!

Я повод схватил – и едва удержал. Кони-то тоже на слух не жалуются и волчий вой от соловьиных трелей отличают превосходно. Отличив же, нервничают. К примеру, на дыбы встают и копытами машут так, что только успевай башку из-под них выдергивать.

У меня получилось... ну а дальше и принцесса подросла.

– Быстрей!

Я на козлы вскочил, вернее, попытался вскочить, чуть обратно вниз не улетел, развернулся – как раз вовремя... чтоб

одно летающее седло поймать руками, а не, что называется, мордой лица.

– Ты не верхом?

– Один в фуре не отобьется. – Дара мимо меня скользнула, загремела чем-то. – А Красотка за себя постоять сумеет, у нее «серебряные когти» на копытах. На, возьми!

– Что это еще?

– Перчатка. Боевая. С серебряной насечкой. На правую руку.

– А размерчик?

– Натягивай! На ней заклятье *Рхасса*... – Дара на миг замялась. – Магия подходящего размера.

Я эту... *Рхассом* клятую боевую рукавицу повертел так-сяк, попробовал надеть – а она и впрямь на руку легла, словно вторая кожа. Еле обратно стащил.

– Нет уж, – говорю, – давай меняться. Мне левую, а тебе...

– Малахов! Я левой управлюсь ловчее, чем ты – двумя!

И что тут возразить? Вот и я заткнулся.

Когда выкатили на тракт, вой уже совсем близко раздавался. Зато и кони под эдакий аккомпанемент враз такой разгон взяли – были б у нашего фургона крылья, свечой бы в небо ушел, не хуже любого «яка».

Кнут я, впрочем, все равно приготовил. Не для лошадей – для этих... певцов серых. Хорошим кнутом много чего интересного натворить можно, если умеючи. А я умею – так уж вышло. У Вани-Синицы во взводе – до того, как он к

нам в разведку попал, – цыган один был, так он как-то на спор полено напололам перешиб. Ну и капитан наш, когда Синичкин про этот спор ляпнул, загорелся, приказал старшине Раткевичу кнутов раздобыть и две недели нас дрессировал... пока не счел результаты «условно применимыми». Так что полено я, конечно, не перешибу, да и насчет прибить вусмерть полной уверенности нет, но *приложить* – сумею!

Прислушался – нет, догоняют все-таки гады. Медленно, потихоньку, но сокращают дистанцию, уже отдельные голоса четко определить можно... и сосчитать. Подумал я – и сменил обойму в «ТТ» на заговоренные. Жалко, конечно, будет, ну да жадность – она в жизни далеко не всегда полезна.

Эх, Аризону бы сюда! Шесть цилиндров – не две конячи силы! И это, что называется, вынося за скобки крупнокалиберный в кузове. Он хоть и не серебром лупит, но, думается мне, с перевариванием бронебойно-зажигательных пуль тоже обязаны проблемы возникнуть, даже у оборотней.

– Сергей, готовься!

Я еще пошутить напоследок успел: «всегда готов» – и тут одна зверюга справа сквозь кусты проломилась и прыгнула.

Скажу честно: прыгни он на меня, может, чего-то б и выгорело, в смысле, получилось. Потому что когда такая вот туша – раза в полтора, а то и в два больше обычного волчары – на тебя летит, кнутом или даже прямым справа в челюсть черта с два ее остановишь. Инерция... просто и тупо за счет массы пробьется.

Но – повезло. Прыгнул волк коню на спину, в полете схлопотал от меня кнутом по хребту и оттого на конской спине не удержался – посыпался вниз, под копыта и колеса... фургон чуть ли не на метр вверх подлетел, а уж что громче хрустнуло, наша ось или волчий хребет, я и думать не стал. Тем паче, что думать-то было особо некогда.

Следующий был умнее – попытался ко мне на козлы заскочить. Вот его-то я своим коронным «справа и снизу в челюсть» поприветствовал. Даже слегка перестарался – вложился в замах так, что сам едва следом за обратным не улетел.

– Сверху!

Едва успел руку вскинуть – клыки перед самым лицом клацнули. Хорошие такие клыки, большие, длинные, много их в пасти... и, наверное, острые, но дарина перчатка этим зубкам оказалась не по зубам.

Правда, и я, как в капкане, очутился. Врезал рукоятью кнута по серой морде раз, другой... не отпускает, зараза. А справа, замечаю краем глаза, еще один появился и, оценив обстановку, начал к прыжку изготавливаться.

Ладно, думаю... не хотите по-хорошему – тогда умрите геройски!

Захлестнул зверюге, лежащему на крыше, шею, вцепился покрепче и, когда волчара справа, наконец, прыгать решил, оттолкнулся, качнулся, «поймал» его сапогами и в обратный полет отправил. Сапоги у меня с подковкой, хоть и не

серебряной, как у даринной кобылы, но минут на пяток этот попрыгунчик из игры выбыл.

Ну а я пока все продолжаю на верхнем оборотне висеть – и каждый делает вид, что торопиться ему некуда и незачем. А что, у меня кони мчат так, что глядеть любо-дорого, на флангах пока чисто, в тылу – в смысле, в фургоне у Дарсоланы, судя по звуку, тоже все в норме. И зверь в ткань всеми лапами вцепился, распластался и подыхать от удушья, похоже, явно не настроен. Рычит сквозь перчатку, глазами полыхает. Фонарики у него еще те – два мрачно-багровых круглых огня без всяких зрачков и прочих белков, словно и в самом деле кто-то изнутри черепа керосиновым факелом подсвечивает.

Морда, к слову, – сейчас, когда присмотреться получилось, – выглядит не так чтобы совсем волчьей. Похожа, но чуть иная.

Оборотень, значит... человеко-волк. Интересно, думаю, а в зверином облике он человеческую речь понимает или как?

– Пасть открой! Ты, псина блохастая, тебе говорю! – ну и еще пяток слов без падежей.

Сорвался... а ведь зарок после второго ранения давал.

Так и не знаю, понял меня волк или нет, но послушался. Разжал клыки, взревел так, что я чуть не оглох, на дыбы встал. Я еще напоследок удивиться успел: ни черта ж себе у нашего фургончика тент, такую тушу выдержать, а парусина как раз в этот миг взяла и разошлась... под правой задней.

И тут оборотень просчитался. Ему б сквозь эту дыру спокойно провалиться, а он обратно на крышу выкарабкиваться затеял. А пока он карабкался, я успел и «ТТ» выхватить и даже патрон в ствол загнать.

– Р-р-рах-х!

Я на спуск дважды нажал. Хоть и помнил, что дороги пули, но... больно уж здоровая туша надо мной нависла.

– А-а-а-а-о-о-у-у-а!

Вот сейчас я пожалел, что парой секунд раньше от рева не оглох. Потому что слышать *это*... звери так не воют и люди так не кричат! Аж до костей жутью холодной пробрало... чуть пистолет не выронил.

Потом этот недополузверь затрясся, словно в припадке, задергался... опять угодил лапой в дыру и на этот раз провалился внутрь, на доски шлепнулся... только уже не волком. Человеком.

Молодой, лет с виду не больше двадцати, черноволосый... голый... и с двумя входными в груди.

Орать он уже не орал – молча подергался еще немного и затих. Зато сородичи его снаружи так взвыли, что я уже решил: все, полный капут пришел! Если попрут со всех сторон, не глядя на потери, я не то что вторую обойму – первую расстрелять не успею.

Крутанулся – нет, не лезут. Наоборот, вой словно бы в стороны откачнулся. Недалеко, но, как говорит старший лейтенант Светлов, контакт ближнего боя разорвали. Уже, считай,

хлеб... с салом и сахаром.

– Коней придержи!

Не люблю, когда на меня девушки на манер оборотней рывкают, но замечание Дарсолана сделала и впрямь своевременное – лошади у нас отнюдь не железные и от бешеной скачки уже сдавать начали. А вытаскивать фургон из леса вручную... как говорил, бывало, рядовой Сайко: «звыняйте, дамочки, але тут не я, тут батальон меня треба».

– Ты-то сама как? – спрашиваю.

Вместо ответа Дара на меня глянула, хмуро так, словно я что-то напрочь нецензурное ляпнул.

Только я ведь упрямый.

– Уточняю вопрос, – говорю, – эта мелкая стайка ничтожных зверушек вам, ваше высочество, случаем, пальчик не оцарапала?

– Сергей, со мной все хорошо!

– Хорошо так хорошо, – киваю. – Тогда чего шумим?

Кони между тем окончательно выдохлись, на шаг перешли. А может, и сообразили, что гнать без толку – оборотни, судя по завываниям, уже полноценное кольцо окружения замкнули... ну да, шагах в двухстах перед нами один волчара прямо посреди дороги галопирует... неспешно так. Я его даже на мушку взял – тоже мне, думаю, мустанг выискался – но вовремя сообразил: ночью, да с движения... ладно бы еще «парабеллум» был, а из «ТТ» я эту гниду серую даже не пугану толком.

Можно, конечно, из автомата его достать, только смысл? Если ему обычные пули – что слону дробина... а цирк с перекладыванием патрона устраивать неохота.

Да леший с ним, думаю, пусть себе маячит. Пока. Вот коль поближе подпустит...

И тут вдруг р-р-раз – завывания вокруг нас как отрезало, будто кто рубильник рванул.

Очень мне это не по вкусу пришлось. По звуку-то этих... волкодлаков хоть приблизительно фиксировать получалось. А затишье... небось сейчас перегруппируются и ка-ак ломаются!

Впрочем, думаю, чего я гадаю? Можно ж у эксперта справку получить!

– Как думаешь, – оборачиваюсь к Даре, – решат эти волкоморды, что хватит с них на сегодня, или по новой пойдут?

– Волкодлаки не бросают намеченную жертву. Почти никогда. Смерть одного не остановит стаю – их надо убить всех, до последнего.

– Всех так всех, – соглашаюсь. – Зверье явно вредное, толку с него под микроскопом не просматривается. Даже шкур, и тех не остается. С обычного-то волка хоть на шапку или унты можно шерсти настричь, а эти...

– Ты не прав. Мертвых оборотней очень ценят алхимики. Его частицы нужны для множества зелий. Большая часть их, правда, – усмехнувшись, добавляет Дарсолана, – цене своей обязаны выдумкам шарлатанов, коим охотно верит просто-

народье.

– Это все из-за того, – говорю, – что просветительская работа у вас не на должном уровне поставлена.

Точнее, насколько я здешнюю систему уяснил, она у них не поставлена вовсе. А с потрохами отдана на откуп товарищам церковникам. Где чей храм стоит – тот жрец местное население грамоте и обучает... если захочет, если вера позволяет. Потому как у одних в догмах записано, что непосвященных и учить-то незачем, у других – что знание и вовсе не к добру, а истинной вере помеха.

Вдобавок, даже когда попы за обучение берутся, в дело при этом сплошь и рядом идет не обычный алфавит, а храмовый. Или руны с пиктограммами, это уж как повезет. Вот и выходит в итоге: вроде бы и грамотный, а толку с той грамоты, если ничего, кроме священных книг какого-нибудь Джунгма Хвостатого, читать не можешь? Ну и его писанину соответственно тоже никто, кроме таких же праведных джунгмохвостов, расшифровать не способен.

– Мы, – гордо заявляет принцесса, – служим делу Света преданней многих и многих!

Я назад глянул... прислушался...

– Знаешь, – говорю, – тема беседы у нас образовалась нужная и важная, не спорю... но давай все-таки я тебе в другой раз объясню, почему ученье – свет и чем оно от лампочки Ильича отличается? А то ведь подкрадется какой-нибудь... волкомахновец в самый решительный момент и ска-

жет... почему у него зубы такие длинные да острые.

– За оборотнями, – перебивает меня Дара, – я слежу!

Я еще раз назад оглянулся... потом по сторонам.

– Хочешь сказать, ты их видишь?

Сам-то я за вычетом храброго мустанга впереди различал от силы двух-трех. Да и то – там мелькнуло, здесь шмыгнуло – об уверенной, как говорит старший лейтенант Светлов, идентификации цели речь заводить не приходится.

– Нет. Не вижу. Знаю. Кроме глаз есть и иные... способы.

В первый момент я пошутить собрался: спросить, а почему эти способы не подсказали, что один оборотень уже в фургон заполз и вот-вот кинется. Даже рот открывать начал... и передумал. Шутки шутками, но ведь отреагировать на нее принцесса может... резко. К примеру, полфургона какой-нибудь магией в щепки разнести... а потом и шутнику чего-нибудь оторвать.

– Ты хотел что-то сказать?

– Нет. То есть да... хотел спросить, как на них солнечный свет действует?

– Волкодлаки, – задумчиво говорит Дара, – не любят его, и только. Солнце для них, как для нас резкий запах. К тому же, – вздыхает она, – до рассвета еще далеко.

– Ну да, – в тон ей говорю, тоскливо так. – К тому же и рассвет здешний солнца не принесет, одни тучи серые – мы ведь еще из пограничья не выбрались. Значит, по всему выходит, быть нам, ваше высочество, обедом. Вернее, с учетом

времени суток, поздним ужином... до завтрака.

Сработало. Хотя и не рассмеялась, но улыбку я из принцессы выжал точно. И голос бодрее стал.

– Подавятся.

– Вот, – говорю, – это уже куда более правильный подход. Осталось только решить, как именно?

– Положимся на милость Светлых Богов, – спокойно так отвечает принцесса. – Они не могут оставить нас.

Я чуть кнут не выронил. Присмотрелся – нет, вроде бы взгляд нормальный, никакого фанатичного сверкания не наблюдается, равно как и пены на губах.

– Ну-ка, – говорю, – насчет последнего пункта поподробнее. С чего это боги вдруг чего-то там не смогут? Если они, конечно, настоящие боги, а не серафимы с херувимами на полставки.

– Потому, – все так же ровно произносит Дарсолана, – что мы лишь в начале Пути. Я знаю множество древних легенд: ни в одной из них герои не гибли от стаи мелкой нечисти, едва отойдя от родного дома.

Прокачивал я это откровение где-то минуту.

– Знаешь, ваше высочество, – говорю. – Какая-то логика в твоих рассуждениях есть... наверное. Только... может, все дело в том, что про остальных, тех, кто в первом бою головы сложил... про них-то как раз легенды сочинить забыли?

Судя по тому, как Дарсолана после этих слов на меня уставилась, до сегодняшней ночи ей подобные мысли в голову

не забредали. А ее учителям-советникам если и забредали, то явно не озвучивались.

– Но... Пророчество...

– Во-первых, – напоминаю, – в подробности всей этой прорицательной истории меня так никто посвятить и не удостоился. Или не пожелал: секретность и все такое, я ж не дурак, понимаю. Ну а во-вторых... поскольку, как уже сказал, дураком себя не числю... мы ведь к эльфам едем как раз затем, чтобы насчет этого самого Пророчества уточняющие справочки навести?

– Да... но...

Осеклась, нахмурилась, задумалась.

Я тем временем привстал, по сторонам огляделся. Никого не видно, даже храбрый мустанг больше не маячит. И тени не мельтешат. А звуков всех: фургон скрипит, да кони изредка всхрапывают... ну и, – если хорошенько прислушаться, – ветер в кронах слегка шумит.

Само собой, в идею, что волкодлаки нас решили в покое оставить, я и на секунду не поверил. Оттянулись метров на двести-триста – это да, это запросто. Только – зачем? Что эти тварюки выдумать могли?

Ох, думаю, не нравится мне эта тишина. Нехорошая она... подлая.

– Эй, – Дару окликаю, – ваше высочество. Тут в президиум из зала предложение поступило, насчет ведения. Предлагают мысли о богах да пророчествах куда-нибудь подальше

отложить, а вот сиюминутными проблемами, в лице оборотней, наоборот – озаботиться.

Сказанул и понимаю – а ведь меня сейчас за нервы тоже пощипывает, и неплохо. В обычном-то состоянии я подобные перлы раз в месяц выдаю, да и то по спецзаказу или в порядке отоваривания карточек. А тут... да уж, думаю, если Дара поймет, чего я сказать хотел, – первый удивлюсь.

– Я их не чувствую, – удивленно, почти растерянно произносит Дарсолана. – Едва-едва... они не ушли совсем, держатся неподалеку.

– Мысли, идеи, – спрашиваю, – по этому поводу будут?

– Сергей, я никогда прежде не слышала о таком. Чтоб волкодлаки отступили, бросив верную добычу... словно...

– Словно что?

– Словно их спугнул кто-то, – медленно, будто нехотя, говорит Дара. – Кто-то много страшнее их самих.

– Ну, положим, – улыбаюсь, – быть страшнее стаи красноглазых волко-неуделков – это дело нехитрое. Зондеркоманда, к примеру... да и сам я тоже не лыком шит. Кстати, – добавляю, – а не могли они твою истинную сущность разглядеть? Или Эскаландер под слоем тряпья унюхать?

– Не знаю, Сергей. Не должны были... защитные покровы в порядке. И потом, волкодлаки слабы в магии, они привыкли больше полагаться на другое.

– Так ведь, – поясняю, – я как раз об этом. Магия магией... а как насчет обычного *запаха*? Я вот табачный дым в

лесу метров за триста почую... а капитан наш, то и вовсе за полкилометра ловил.

– Какой дым?

– Обычный, табачный... а-а, нету же у вас этой дряни... ну, та гадость, которую его сиятельство герцог комбриг Клименко в столе держит, чтобы дым изо рта пускать. Или ни разу не видела?

Спросил – а сам чуть не взвыл, почище любого волкодлака. У меня ж в кармане полный мешочек «кайенской смеси» лежит, в брезент для вящей надежности завернутый. Махра с перцем – лучше против собачек, пожалуй что, только натяжная мина. Сейчас-то, конечно, уже поздно, а вот раньше, когда они по следу шли... эх-ма, ну и лопух же я!

Хотя, думаю, на самом деле не такой уж и лопух – нюх у оборотней, может, и волчий, а мозги в голове человечьи... или, по крайней мере, чего-то наподобие. Ну и допустим: чутье им мой волшебный порошок отобьет, а как со следами от фургона быть? Это не заостряя внимания на том факте, что дорога сквозь лес идет одна и кони наши на Пегасов не похожи.

Ладно. Зато вот если полезут, глядишь, пару-тройку магистровых патронов мне этот мешочек сэкономит.

– Видела, – кивает Дара, – запах и в самом деле омерзительный.

– Ну, это кому как...

– В Дакире есть схожий порок. Там жгут в курильни-

цах траву *шен-ол*, дым которой дарит отдых телу и сладкие грезы душе... пока не высосет ее всю, оставив от человека лишь дряблую оболочку. Потому *шен-ол* еще называют травой-вампиром... и пойманных торговцев ею казнят так же, как тех, кто продает вампирам *пищу*.

Вампирами, вспоминаю, местные упырей называют... и жрут эти люди-комары, точнее, пьют они кровь. А поскольку местная медицинская наука консервировать эту, как говорит старший лейтенант Светлов, жизненно необходимую организму субстанцию... он, правда, про спирт это говорил, но про кровь – правильное... так вот, поскольку хранить эту субстанцию местные вряд ли умеют, следовательно, торговали они людьми. Живыми. Одни нелюди с другими... торговали.

И даже не хочется у Дары спрашивать: много ли такой мрази отыскивается? Потому что и в нашем мире подобной нечисти нашлось куда больше, чем хотелось бы. С гордым арийским профилем... а кто и без него, но все равно бежит впереди хозяев, язык от усердия набок вывалив!

– Сергей... смотри, справа от дороги... чернеет...

– Вижу.

Я, правда, в первый миг не сообразил, чего именно вижу. Потом только дошло – забор. Хороший такой забор, высокий, дом из-за него едва виднеется – труба да часть крыши. И ворота широкие – танки, если что, запросто разъедутся.

В общем-то, ничего странного – в таком вот лесу без доб-

рой ограды обитать как-то скучновато. Только... не понравился мне чем-то этот теремок придорожный.

– Что за дом такой? – шепотом у Дары интересуюсь. – Слышала когда-нибудь про него?

– Нет. Никогда прежде не бывала на этом тракте.

– А предположить?

– Сколько угодно. Таверна, постоялый двор для купцов. С пограничем торгуют многие – большой риск, но и большая прибыль. Здешним жителям есть, что предложить тем, кто прячется за их спинами.

– Это что же?

– Ну, – Дара сделала вид, что задумалась. – Например, мертвых оборотней.

– Да уж...

Я не удержался – на наш трофей оглянулся. Слава уж не знаю кому, богам здешним или магистру с его пулями, но лежит товарищ бывший волкодлак смирно, как и подобает добропорядочному трупу. Что не может не радовать.

– Ценный товар, ничего не скажешь...

Дарсолана плечиками пожала.

– Телеги с товаром двигаются медленно, а деревни редки. Если близится ночь, а ты все еще на тракте, лучше развязать кошель, чем ждать, пока вскрыют пузо.

Война на самокупаемости... ну-ну.

Я сразу представил: стоит наш старшина Раткевич на каком-нибудь базаре и трофеями всю торговлю. Кому, мол,

панталоны офицерские, парижской работы... а вот каток «тигра» подбитого, счастье в дом приносит лучше любой подковы... налетай, честной народ, не скупись...

Нет, бывают, конечно, и у нас затыки, когда без подходящего презента и свое *законное* не выбьешь, а уж штатно не положенное тем более. Но это все так, мелкая самодеятельность, а тут... одно слово – феодализм. Им до приличного *централизованного* государства еще пилить и пилить.

– Ага, – киваю. – Место вроде как и в глуши, на отшибе, но вполне себе доходное. Понял.

– Но только, – добавляю, – кажется мне, что у здешнего хозяина дела идут не так чтобы очень.

– Почему ты так решил?

– Дымом не пахнет.

Освещения, к слову сказать, тоже не заметно, но этот факт можно на жадность списать. К чему, мол, керосин со свечами зазря палить, когда над лесом дармовой фонарь маячит? А вот дымок... ужин они должны были не так давно приготовить... да и ночь совсем уж теплой назвать язык не повернется.

– Как там, – вполголоса интересуюсь, – друзья наши серые поживают? Все еще в отдалении крутятся?

– Да.

Странно.

– Странно. – Дара словно мои мысли прочитала. – Таверна заброшена.

– Таверна?

Переспросил и тут же сам на ветке дуба рядом с дорогой вывеску увидел: таверна «Старый олень». Причем, похоже, сам олень ее и вешал... в юности – надпись потемнела так, что пока различишь, глаз три раза сломаешь. Вдобавок висит криво, а одна доска снизу и вовсе отвалилась.

– Я только теперь, когда прочла название, – говорит принцесса, – вспомнила, что слышала о ней. Не лучшая таверна на тракте, нет, но единственная на два дня пути.

– Ну может, кто-нибудь взял да и открыл поблизости общественную столовую, – усмехаюсь. – А здешний хозяин из-за этого, соответственно, прогорел.

– Могло сложиться и так. По крайней мере, – озабоченно говорит Дара, – я не чувствую за этим забором Зла.

С учетом того, что мы уже почти вплотную подкатили, – новость утешающая. Особенно же по той причине, что домик этот, несмотря на первоначальное, как говорит старший лейтенант Светлов, негативное впечатление, интерес у меня вызывал. Если он и вправду брошен... коней внутрь завести, дверь привалить хорошенько чем-нибудь тяжелым, а пару окон оборонять куда легче, чем вкруговую отмахиваться. И до рассвета... если не полезут, так хоть отоспимся по очереди. Днем всяко веселее...

Фургон, правда, при таком раскладе без присмотра остается, ну да он-то деревянный, в смысле несъедобный.

Только вот, думаю, мнение принцессы тоже неплохо бы

узнать. Во-первых, потому что принцесса. Во-вторых, из нас двоих в оборотнях только она чего-то понимает. А то вдруг они по подкопам мастера или с огнем обращаться умеют не хуже керосинщиков из фойеркоманд? Запалят с трех концов и даже фамилий не спросят.

– Считаешь, стоит заглянуть? – спрашиваю.

Дара вместо ответа то ли хмыкнула, то ли хихикнула... нервно так.

Ворота у «Старого оленя» оказались почти не запертые. Почти – потому как в землю они, судя по всему, корни пустили, ну а петли последний раз смазывал тот самый олень... в тот же день, когда вывеску вешал. Скрип ошеломляющей чистоты звука... волкодлаки от него, наверное, еще дальше в лес удрали, километра на полтора минимум.

Попытался было доску от забора вместо рычага приспособить – получил в итоге груды щепок, прореху в куртке и пяток заноз в предплечье. Стою, на дыру любуюсь... слова всякие соответствующие припоминаю... и тут принцесса руки вытянула, пальцы как-то хитро переплела – ворота дрогнули и плавненько, не спеша, во двор шлепнулись.

Я как стоял, так и замер – хорошо хоть, челюсть не отвисла.

– Руку покажи.

– А?

– Покажи рану.

Я повернулся, сунул принцессе под нос раненую конеч-

ность – Дара над ней ладонью провела – и боль как ветром сдуло. Глянул: от царапины и следа не осталось, чистая гладкая кожа. А ведь порвался-то здорово: гимнастерка вокруг дыры вся от крови темная.

Ловко. До этого меня так только поп один местный врачевал, отец Иллирий. Я тогда стаю Призраков Ужаса изничтожил... тараном... пешим, а кровь у них, как мне рыжая тогда сказала, ядовитая до невозможности, вот и... ну а если говорить проще, то есть по-нашему, исцелил меня товарищ поп от чего-то вроде иприта. А заодно и последствия второго ранения ликвидировал, подчистую. Почти как сейчас – был шрам и пропал, словно и не дырявил меня насквозь пулеметчик фрицевский.

– Здорово, – говорю. – Слушай, а куртку с гимнастеркой так же заштопать можешь?

– Нет.

– Жаль, – вздыхаю. – А... ворота ты чем так здорово приложила?

– Знаком Силы. И, – насмешливо говорит Дарсолана, – если ты не догадался, «приложила» я их вовсе не для того, чтобы мы топтались перед ними до рассвета, а совсем с противоположной целью.

Замечание верное – и не возразишь.

– Теперь догадался. Заводи фургон во двор, а я пока в доме осмотрюсь.

И пока ее высочество мою наглую выходку переварить пы-

талась – запрыгнул на козлы, выдернул автомат из-под сена и медленно, не торопясь... побежал.

Только на крыльце остановился, затвор взвести. Пнул дверь – двери, понятное дело, хоть бы хны, она к открыванию внутрь не предназначалась. Так, думаю, спокойно, Малахов, без нервов... вспомни, чему тебя товарищ капитан учил. Ремень через плечо, палец на спуск, левой рукой осторожно берем дверную ручку... интересная такая ручка, массивная, сплошные финтифлюшки с завитушками. Первый раз здесь такую ручку вижу, совершенно нехарактерный для местных стиль... ее бы к нам на какое-нибудь присутственное место николашкиных времен... ну или хотя бы на особняк купчины первогильдейского... бронзовая, судя по цвету. Хотя при лунном освещении леший чего уверенно разберешь... берем эту ручку, поворачиваем, тянем на себя... выбрасываем! И тупо смотрим на дверь, которая теперь без ручки.

Вот ведь! Ну хорошо, мы люди не гордые, мы и через окно можем – благо ставен не предусмотрено, а стекло и след простыл... если они вообще были. Со стекольным производством в этом мире даже у гномов пока туго, гобеленом ручной работы занавесить, и то дешевле выйдет... даже в три слоя.

Бросили дом не очень давно. Полгода, а то и меньше, это я мог уверенно сказать – нагляделся. До чертиков в глазах – и на брошенные и на сожженные, снарядами и бомбами раз-

валенные... каких только мне за три года войны повидать не пришлось. Одно время казалось: я забывать начал, что такое дом... сооружение из четырех стен и крыши, в котором люди живут. Не в окопах, в шинели завернувшись, не в палатках или землянках, а в домах. И строят дома вовсе не за тем, чтобы оборону в них держать, потому и амбразуры в них такие неправильные – большие.

Этот конкретный дом бросали второпях, спешили...

Первая комната, как я понял, и была таверной – в смысле места для питья, закусывания этого питья и последующего битья морд.

Пыль. Мебель – перевернутая, а кое-где и поломанная. Хотя мебель – это, конечно, громко сказано... откуда в захудалой таверне спальный гарнитур с витыми ножками? Столы да стулья... пара лавок. По углам – груды мусора: битая посуда в виде глиняных черепков, тряпки какие-то, листья, ветки.

Дальше – кухня. Очаг с жаровней, разделочный стол, котлы... три штуки, один большой и два поменьше. Котлы-то меня и озадачили. Ценная ведь вещь по здешним меркам эдакий чугунок. Даже если прохудился, прогорел – все равно металлолому в нем на пару монет. А тут сразу три... непонятно.

Поднялся по лестнице – ну и скрипучая же дрянь, хуже давешних воротных петель! – на второй этаж. Здесь, как я понимаю, комнаты для постояльцев были. Особого шика, по-

нятно, тоже не обнаружилось: лежак из досок, на нем тюфяк соломенный, и все это предметом роскоши в виде дырявого одеяла прикрыто.

Всего комнат было пять, из них первые три были одинаково пустые, зато в четвертой на полу у стены лежали какие-то мешки. Рыться в них я не стал, просто прикинул, что набиты плотно и явно не чем-то однородным – больно разнообразно выпирает. В пятой же у окна стоял сундук, большой, весь в железных полосах...

Я такой сундук уже видел. У графа Леммита. Даже поднять пытался... безрезультатно. Потому как сундук тот у графа казной работал, а золото – оно тяжелое.

Это я к тому, что сундучки эти, типа сейф походно-полевой, стоят у местных изрядно дороже котлов кухонных. И возят их обычно не порожняком.

Впрочем, этот тоже не пустой был. Наверное. А потом его взломали – грубо, торопливо, – выпотрошили на манер барашка и бросили.

Чем дальше, тем больше мне здесь не нравилось.

Присел на корточки, мусор на полу поворошил... гляжу, тряпка одна поблескивает. Поднял, развернул – платье. Я, хоть и при королевском дворе последнее время ошивался, большим спецом по здешней моде не стал, но думаю – не стала бы здешняя хозяйка такую вот обновку каждый вечер надевать... раз в год... да и то не каждый.

Ох, как мне все это не нравится... кто бы знал.

Нет, не второпях домик бросали. Вернее – не просто в спешке. Они отсюда сломя голову бежали, спасались. Похватили ценное, что полегче, – и ходу.

Спасались... а успели?

Вернулся к лестнице, смотрю: Дара посреди разгромленного зала стоит и осматривается... напряженно так, чуть прищурясь. И рукой при этом, что характерно, за кинжал на поясе держится.

– Что там?

– Пусто.

Я примерился – прямо подо мной пол сравнительно чистый был – и прыгнул. В полете уже, правда, сообразил, что доски-то могут только выглядеть крепкими... но повезло.

– Сергей! Ума лишился!?

– Один бум лучше дюжины скрипов. Кони где?

– Завела в конюшню. Там сено и вода в поилке.

Ну, сено-то еще ладно, а...

– Вода?

– Дождевая, над поилкой сток устроен.

– А оборотни их не того? – спрашиваю. – Красотка, конечно, лошадь боевая во всех смыслах, спору нет, но...

– Им нужны мы, – обрывает меня Дара. – Наша кровь, наши жизни. Конями они займутся потом, без помех, если захотят.

– Захотят. Конина – штука вкусная, тем более с голодухи.

Впрочем, припоминаю, оборотень, которого я подстре-

лил, тощим вовсе не выглядел. Ну да волк не только для еды горло перегрызть может – слышали, знаем.

– Пойдем, – говорю, – задние комнаты проверим.

Я, честно говоря, и сам не знал, что там найти можно будет. Опасался только... хотя за полгода от тел запросто могло и костей не остаться – дом-то посреди леса, а зверье даром время не теряет.

С другой стороны – чего я дергаюсь? Не кисейная барышня ведь в напарниках – девчонка только что с живыми оборотнями дралась! Что ей костяшки?

Да и не было там никаких костей с черепами. Все почти то же самое, что и наверху. Только вместо лежаков – кровать и матрас на ней набит чем-то посерьезней сена. Даже подушки лежали, четыре целых и пятая по углам в виде перьев.

– Почти королевское ложе, не так ли? – Голос у Дарсоланы странно-ломкий, не понять, то ли всерьез говорит, то ли шуткует на почве нервного мандража.

– Тебе виднее, – отвечаю, – из нас двоих только ты королевских кровей.

– Чтобы спать в королевской кровати, вовсе не обязательно быть королем самому. Достаточно и того, чтобы король... или хотя бы принцесса оказались рядом.

Ага. Вот так, запросто...

Интересно, думаю, а высокохудожественно падать на кровать и на ней вытягиваться – этому принцесс тоже особо учат?

– Спать, – говорю, – дело хорошее, не спору. Только, может, для начала стоит распорядок караулов установить?

– Можно, – улыбается Дара. – Это просто. Заклятье хранимого круга и сторожевые талисманы будут сторожить, а мы с тобой будем спать.

– Звучит заманчиво. А не боишься, – спрашиваю, – что сигнализацию твою обойти сумеют?

– Кто? Оборотни слабы в магии, я же говорила тебе об этом.

– Люди, конечно же. Что один человек соорудит, другой всегда...

– Сотворенный магом сторожевой талисман, – перебивает меня принцесса, – обмануть имеет шанс лишь маг следующей ступени. А мои талисманы... Сергей, оказись темный подобного уровня по эту сторону Границы, он принужден был бы почти все силы тратить лишь на поддержание Отсекающей Сферы. Иначе любой послушник... и уж подавно этот темный не решился бы творить столь сложную и длительную волшбу в приграничье, где ловчие заклатья магов Света...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.